

Оса. обш. 2р

ЗАПИСКИ

ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

116208

КНИЖКА XIV,

~~О ПУСКИ~~

Сост. действ. чл. Зап.-Сиб. Отдѣла Г. Е. КАТАНАЕВЫМЪ.

Печатано по постановленію Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго
Русскаго Географическаго Общества.

ОМСКЪ.
Тип. Окружн. Штаба.
1893.

0.50 (9/10)

1771	1772	1773	1774	1775	1776	1777	1778	1779	1780	1781	1782	1783	1784	1785	1786	1787	1788	1789	1790	
																			332	
																			<u>27</u>	

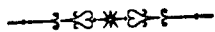
КИРГИЗСКІЯ СТЕПИ, СРЕДНЯЯ АЗІЯ

и

СЪВЕРНЫЙ КИТАЙ

въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

ПО ПОКАЗАНИЯМЪ, РАЗВѢДКАМЪ, ДОБЪЯТЫМЪ ЗАПИСЯМЪ, ОТЧЕТАМЪ
И ИСЛѢДОВАНИЯМЪ ЗАПАДНО-СИБИРСКИХЪ КАЗАКОВЪ И ПРОЧИХЪ
СЛУЖИЛЫХЪ СИБИРСКИХЪ ЛЮДЕЙ!

— 121 7/8 —

ИЗЫСКАНІЯ

ПОЛКОВНИКА Г. Е. КАТАНАЕВА

съ приложеніемъ: 1) извлеченныхъ изъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Ино-
странныхъ Дѣлъ двухъ отчетовъ о поѣздкахъ въ Джунгарію и Китай: Тарскаго казацкаго
голова Ивана Чередова въ 1719—1720 г. и Атамана Сибирскихъ линій казаковъ
Григорія Волошанина въ 1771 г. и 2) Карты Центральной Азіи, съ показаніемъ
путей слѣдованія по ней наиболѣе извѣстныхъ путешественниковъ XVII и XVIII столѣтій.

ВВЕДЕНІЕ

О ЗАПАДНО-СИБИРСКИХъ КАЗАКАХъ И ДРУГИХъ СИБИРСКИХъ СЛУЖИЛЫХъ ЛЮДЯХъ
НЕРЕГУЛЯРНАГО КАЗАЦКАГО ЧИНА.

Въ шестнадцатомъ, семнадцатомъ и въ первую половину восемнадцатаго столѣтія, всѣ военно-служащіе въ Сибири назывались общимъ именемъ *служилыхъ людей*; въ частности-же всѣ служилые люди подраздѣлялись на дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, служилыхъ татаръ и казаковъ разныхъ наименованій. Последніе составляли главную массу сибирскаго служилаго люда, особенно въ первые два изъ названныхъ столѣтій; такъ что слова — „казакъ“ и „служилый человекъ“ на языкѣ и въ понятіяхъ того времени были какъ бы синонимами, и потому часто даже въ официальныхъ документахъ замѣнялись одно другимъ.

Общее названіе здѣшнихъ казаковъ было: „сибирскій казакъ“; въ частности-же они подраздѣлялись на болѣе или менѣе многочисленныя группы: по городамъ и мѣстностямъ, къ которымъ были приписаны, по роду относимой ими службы и по происхожденію. Такимъ образомъ, напримѣръ, были Тобольскіе, Тюменскіе, Пелымскіе, Березовскіе, Томскіе, Кузнецкіе городовые казаки; когда-же съ начала XVIII стол. вновь возводимыя на южныхъ и юго-восточныхъ окраинахъ русскія поселенія вмѣсто городковъ и острожковъ стали именоваться „крѣпостями“, то и водворяемые въ нихъ казаки стали именоваться *крѣпостными*; таковы напримѣръ — Омскіе, Желѣзинскіе, Ямышевскіе, Семипалатинскіе, Устькаменогорскіе крѣпостные казаки. По мѣрѣ сплоченія разбросанныхъ по разнымъ городамъ и крѣпостямъ казаковъ въ болѣе многочисленныя группы по линіямъ и дистанціямъ и казаки ихъ населяющіе стали именоваться по тѣмъ линіямъ и дистанціямъ, — таковы Иртышскіе крѣпостные казаки, Колыванскіе, Новой (Прѣсногорьковской) линіи казаки и проч. Во второй половинѣ XVIII столѣтія, когда всѣ крѣпостные и большая часть выдворенныхъ

на линіи городовыхъ тобольскихъ, тарскихъ, тюменскихъ, томскихъ казаковъ поступили подъ одну общую команду или атаманство, проживавшаго въ Омской крѣпости войсковаго атамана, они стали называться собирательнымъ именемъ „Сибирскихъ линій казаковъ“. Когда же въ началѣ текущаго столѣтія сплоченіе разбросанныхъ по разнымъ западно-сибирскимъ городамъ и крѣпостямъ казаковъ закончилось сформированіемъ изъ нихъ на линіяхъ 10-ти конныхъ полковъ и двухъ конныхъ же батарей, они образовали — „Сибирское линейное казачье войско“, переименованное въ 1861 году просто въ „Сибирское казачье войско“.

По роду относимой казаками службы, они дѣлились на *пѣшихъ* и *конныхъ*. Ермакъ и его сподвижники — всѣ были пѣшіе; но необходимость быстрыхъ передвиженій и погони за коннымъ непріателемъ по его „сакмамъ и воровскимъ перелазамъ“ заставила въ первые же года водворенія въ Сибири казаковъ, обратить ихъ въ конные, а затѣмъ, постепенно увеличивая число конниковъ, обратить и всѣхъ казаковъ въ конные. Крѣпостные и линейные казаки съ самаго ихъ образованія были уже конные. Служившіе при пушкахъ казаки назывались „пушкарями“, а тѣ, которые блюли за исправностью и охраною острожныхъ или крѣпостныхъ входовъ насыпей и тына, — „затинщиками“ и „воротниками“. Въ каждомъ городѣ или острогѣ были свои конные и пѣшіе казаки, свои пушкари, затинщики и воротники. Тѣ же казаки несли за немѣнѣемъ специалистовъ морскаго или рѣчнаго дѣла и прочихъ — „стружную“ и „лыжную“ службы. Строгаго подраздѣленія на специальности военнаго дѣла, ни въ шестнадцатомъ, ни въ семнадцатомъ столѣтіяхъ еще не было; почему одни и тѣ же люди, смотря по надобности, исполняли то ту, то другую, то третью изъ специальныхъ воинскихъ службъ. Въ челобитныхъ и донесеніяхъ за то время, постоянно встрѣчаются перечисленія службъ въ родѣ слѣдующаго: „И былъ я, Государь, во всякихъ Твоихъ службахъ и въ службишкахъ и въ пѣшей, и въ конной, и въ лыжной, и въ стружной, и въ пушкаряхъ и въ затинщикахъ, и у строенія остроговъ, и у сбора Твоего, Государева, ясака,

и въ толмачахъ, и въ вожахъ, и у провѣдыванія новыхъ земель, и у подведенія невѣрныхъ подъ Твою высокую руку "...и т. д.

Недостатокъ специальныхъ родовъ оружія восполнялся, на сколько возможно, подборомъ, или „приборомъ“ въ служилые люди, не только начальнической, но и рядоваго званія, всякаго рода „видалцевъ“ и „бывальцевъ“, какъ русскихъ, такъ и иноземныхъ. Въ противоположность „вольному“ Донскому, Яицкому и Запорожскому казачеству пополнявшемуся по вольной волѣ всякими бѣглецами и недовольными московскими порядками людьми, сибирское „служилое“ казачество комплектовалось исключительно по Царскому указу и воеводскому наказу; не только нарядомъ потребныхъ людей, но и прямою ссылкой въ Сибирь какъ преступниковъ, такъ и всякаго рода плѣнныхъ „черкасъ“ (малороссовъ и запорожцевъ), „литвы“ (поляковъ) и „нѣмцевъ“. Составъ сибирскихъ служилыхъ людей, можно сказать, переполненъ былъ всякими иноземцами, до „французанъ“ включительно. Поляки даже составляли особыя команды „казаковъ литовскаго списка“; „черкасы“ также. Разъ попавши въ казаки, эти иноземцы обыкновенно навсегда въ казакахъ и оставались со всеѣмъ своимъ потомствомъ, принимавшимъ православіе и мѣнявшимъ даже свою фамилію; Янъ Березуцкій, напримѣръ дѣлался, Иваномъ Березовскимъ, Іозефъ Кобыляскій — Осипомъ Кобылинымъ или даже просто Оськой Поляковымъ, Панковымъ, Литвиновымъ и т. д. Малороссы или черкасы переименовывались въ Черкасовыхъ, Хохловыхъ, Подольскихъ и проч. Сосланный въ 1618 году и поверстаный въ томскіе казаки запорожскій атаманъ Михайло Скиба, обратился въ Михалку Скибина. Въ 1619 году поверстано въ тобольскіе пѣшіе казаки 40 „выѣзжихъ запорожскихъ черкасъ“. Не прекращалась подобная высылка и зачисленія иноземцевъ и въ болѣе позднія времена, напр. въ 1770 г., когда въ здѣшніе казаки были зачислены 137 запорожцевъ, захваченныхъ съ Желѣзнякомъ и Швачкою послѣ извѣстной Уманьской рѣзни въ польской Украйнѣ; при этомъ запорожецъ Иванъ Найда обратился въ Ваньку Найдина, Грицко Таранъ — въ Гришку Таранова, Петро

Бородавка—въ Петуньку Бородавкина, Иванъ Негода—въ Негодина, Задирака—въ Задиракина, Денисъ Носъ—въ Носова и т. д. Въ 1813 году сюда же высланы болѣе сотни польскихъ плѣнныхъ „великой арміи“ Наполеона I-го. Сотни польскихъ и малоросійскихъ фамилій, встрѣчающихся и по сіе время въ средѣ современныхъ намъ сибирскихъ казаковъ, показываютъ, что иноземное дерево, посаженное на здѣшнюю почву не заглохло, а напротивъ, укоренившись, дало хорошіе ростки. „И ссылаются въ Сибирь съ Москвы и изъ городовъ (писалъ извѣстный Котонихинъ въ своей книгѣ) на вѣчное житье всякаго чина люди за винны; а тѣхъ ссылочныхъ людей въ тамошнихъ (т. е. въ сибирскихъ) городахъ верстають въ службы *смотря по человѣку*, въ дворене, и въ дѣти боярскіе, и въ казаки и въ стрѣльцы“. Грамотные и многобывалые люди при зачисленіи въ службу дѣлились всегда высоко и получали болѣе видныя назначенія въ качествѣ казацкихъ или стрѣлецкихъ и татарскихъ пятидесятниковъ, сотниковъ, атамановъ и головъ.

Служилые дворяне и дѣти боярскіе въ Сибири, не составляя особо организованнаго рода войска или сословія, служили, какъ сказано, съ тѣми-же казаками и стрѣльцами въ качествѣ болѣе или менѣе начальственныхъ людей; многіе изъ нихъ совмѣстно съ званіемъ дворянина или боярскаго сына, носили и званіе казацкихъ или стрѣлецкихъ головъ и атамановъ. Въ свою очередь и казаки со стрѣльцами „за свои и своихъ предковъ службы“ нерѣдко жаловались въ дѣти боярскіе и дворяне. Исторію нѣкоторыхъ изъ старинныхъ казачьихъ родовъ можно прослѣдить по архивнымъ документамъ и челобитнымъ; при чемъ оказывается, напримеръ, что прапрадѣдъ челобитчика былъ зачисленъ въ казаки „по прибору изъ гулящихъ людей“; сыновья его, одинъ служитъ казакомъ-же, а другой за сверхкомплектъ и неспособностью числится до старости „въ дѣтяхъ казачьихъ“; внуки родоначальника семьи, частью продолжаютъ служить казаками-же въ рядовомъ и пятидесятницкомъ званіи, часть-же за грамотность и распорядительность жалуются въ дѣти боярскіе; ихъ-же дѣти или правну-

ки родоначальнаго казака служить: трое по прежнему въ казакахъ разныхъ ранговъ до атамана включительно, а четвертый, пройдя званіе десятника, пятидесятника и сотника „за многія его службы“ жалуется въ дворяне съ назначеніемъ казацкимъ головою; два сына этого послѣдняго служатъ одинъ въ дѣтяхъ боярскихъ, а другой пятидесятникомъ казацкимъ и т. д.

Дворянства и казачества, какъ строго обособленныхъ сословій, въ старинной Сибири не было. Какъ казаки, такъ и дѣти боярскіе, стрѣльцы и дворяне были просто служилыми людьми разныхъ ранговъ обязанными *постоянной* и *безсрочной* службой „доколѣ въ силахъ“, за опредѣленное (очень ничтожное) „денежное и хлѣбное жалованье“. За время нахождения при своихъ домахъ, большинство ихъ довольствовалось съ своихъ же земельных надѣловъ или нашенъ и отводныхъ луговъ. Избы или дворы, въ которыхъ эти служилые люди съ своими семьями проживали въ мѣстахъ своей приписки, были на половину не ихъ собственныя, а казенныя, построенныя тѣми-же служилыми людьми по наряду и располагались около остроговъ и крѣпостей особыми служилыми, стрѣльцами и казацкими слободами. Такой способъ расквартированія или размѣщенія служилыхъ людей при городахъ, острогахъ и крѣпостяхъ сохранился и въ болѣе позднее время, послѣ сформированія, взаимѣ стрѣльцовъ, дѣтей боярскихъ и дворянъ — солдатскихъ и драгунскихъ полковъ; только вмѣсто служилыхъ и стрѣльцевъ, тѣ слободки получили наименованіе солдатскихъ и драгунскихъ; въ тѣхъ же солдатскихъ слободахъ, въ первое время по возведеніи линейныхъ крѣпостей, форпостовъ и редутовъ, помѣщались и приписанные къ тѣмъ укрѣпленіямъ казаки.

Преобразованія Петра I-го въ составѣ и организаціи всей русской арміи, не могли конечно не отразиться и на Сибири. И здѣсь, какъ въ Европейской Руси, первыми исчезли изъ рядовъ служилыхъ людей прежняго типа — стрѣльцы; за ними вскорѣ упразднились дѣти боярскіе и дворяне; остались только одни казаки; хотя и на нихъ стремленіе обратить всё прежнее служилое населеніе „въ регулярство“ отразилось, въ первое время, крѣ-

нимъ истощеніемъ служилого состава. Всѣ вновь сформированные драгунскіе и солдатскіе полки — Тобольскій, Сибирскій и Новоучрежденный, равно какъ и гарнизонныя команды всѣхъ иртышскихъ крѣпостей, были укомплектованы исключительно тѣми-же сибирскими служилыми людьми: дворянами, дѣтьми боярскими, стрѣльцами, казаками и дѣтьми казачьими. При этомъ многіе изъ дворянъ, казацкихъ и стрѣлецкихъ головъ, атамановъ и сотниковъ переименовались въ полковники, полуполковники, капитаны и поручики; дѣти-же боярскіе и пятидесятники казацкіе — въ сержанты и капралы, а всѣ прочіе стрѣльцы, казаки и ихъ дѣти — въ драгуны и солдаты.

Оставшіеся свободными отъ регулярства дворяне и дѣти боярскіе, совмѣстно съ таковыми-же казаками вносятся, съ этого времени, въ общую рубрику — „нерегулярныхъ казацкихъ чиновъ“; а къ концу XVIII столѣтія и совсѣмъ исчезаютъ изъ списковъ воинскихъ званій.

Сильно порѣдѣвшіе ряды сибирскаго казачества скоро, впрочемъ, вновь укомплектовываются, какъ естественнымъ приростомъ „самихъ въ себѣ“, такъ и всякаго рода вольными и певольными (какъ сказано выше) причисленіями извнѣ; такъ что уже въ шестидесяти лѣтъ прошедшаго столѣтія, служилый составъ ихъ вновь достигаетъ двухъ тысячъ человѣкъ, а въ началу текущаго столѣтія и пяти тысячъ. И замѣчательно, при этомъ, что въ противоположность тому, что дѣлалось въ началѣ XVIII столѣтія, когда по волѣ Петра I-го, такъ сказать, совсѣмъ выкуривался изъ арміи духъ казачества, къ концу того-же столѣтія, существеннѣйшимъ контингентомъ для усиленія сибирскаго казачества, послужило зачисленіе въ составъ его двухъ тысячъ солдатскихъ и драгунскихъ малолѣтковъ изъ полковъ и командъ, расположенныхъ на пограничной линіи совмѣстно съ казаками. Въ 1808 году регулярныя полки совсѣмъ выведены съ линій и изъ Сибири внутрь Европейской Россіи, а охрана сибирской границы отъ вторженія кочевниковъ и вся внутренняя служба возложены исключительно на сибирскихъ линейныхъ казаковъ.

Перечисленіе всѣхъ до крайности разнообразныхъ „службъ“, которыя выпали на долю сибирскихъ казаковъ и вообще служилыхъ людей нерегулярнаго строя, за ихъ болѣе чѣмъ трехвѣковую исторію, не входитъ въ задачи настоящаго труда; а потому, ограничиваясь сказаннымъ выше объ организаціи и способѣ комплектованія служилыхъ людей, замѣтимъ вообще, что какъ въ первые два столѣтія ихъ самостоятельной дѣятельности, такъ и въ послѣдующую совмѣстную службу съ регулярными частями — на долю этихъ людей выпала трудная и почетная (хотя и не всегда видная) роль пионеровъ всякихъ начинаній и мѣропріятій правительства по разслѣдованію, занятію, покоренію, умиротворенію и устройству необъятной Сибири съ ея многоязычнымъ населеніемъ. Безъ преувеличенія можно сказать: не было такой службы, такого порученія, такого дѣла, которое-бы „волею начальства“ — не возлагалось на этихъ присяжныхъ исполнителей предначертаній свыше. Многообразіе всякаго рода послугъ соединенное съ безропотностію ихъ выполненія составляетъ, можно сказать, отличительную особенность сибирскаго „служилаго“ казачества, рѣзко выдѣляющую его изъ рядовъ прочаго „вольнаго“ казачества, сложившагося въ самостоятельныя общины съ особымъ укладомъ жизни и порядковъ, шедшихъ (въ XVI—XVIII столѣт. чаще въ разрѣзъ требованіямъ правительства, чѣмъ согласно съ ними. Но что особенно выдѣляетъ „службы“ сибирскихъ казаковъ, изъ такихъ-же вольно-казацкихъ, — это ихъ, такъ сказать, культурность и гражданственность. Будучи классомъ собственно военнымъ или боевымъ, сибирскіе казаки въ то-же время, по необходимости, за невозможностію замѣниться кѣмъ либо другимъ, исполняли зачастую порученія, ничего общаго съ воинскимъ дѣломъ не имѣвшія. Таковы, напримѣръ, въ длинномъ ряду всякаго рода другихъ службъ, службы „у казенной или Государевой пашни“ служба въ толмачахъ и переводчикахъ, служба „у провѣдыванія новыхъ земель“ — „развѣдки о заграничныхъ обстоятельствахъ“, посольская служба и т. д.

Многообразіе, самостоятельность и отвѣтственность всякаго рода

близких и дальних командировокъ, по вѣдомымъ и невѣдомымъ, русскимъ и иноплеменнымъ краямъ обширной и далеко еще не мирной въ тѣ времена Сибири, требовало отъ тогдашнихъ казаковъ необычайной энергии, выносливости, расторопности, находчивости, рѣшимости и даже самоотверженія, соединенныхъ съ способностью къ инициативѣ и готовностью принять на собственный страхъ и отвѣтственность всѣ послѣдствія тѣхъ или иныхъ своихъ дѣйствій. Спрашивать постоянно начальственныхъ указаній за сотни и тысячи верстъ было нельзя; нужно было всё брать на себя и брать притомъ не на день — на два, а на цѣлые мѣсяцы и даже годы, ибо не только дальнія, но и сравнительно ближнія командировки для „провѣдыванія новыхъ земель“, — развѣдокъ „о заграничныхъ обстоятельствахъ“ и многія другія продолжались нерѣдко цѣлые годы, вдали не только отъ русскихъ, но и отъ всякихъ другихъ живыхъ людей. Требовалась наблюдательность и умѣние не только передать или пересказать подлежащему начальству о всемъ видѣнномъ и слышанномъ за время продолжительныхъ странствій по пустынямъ и населеннымъ странамъ, но нерѣдко и описать всё это на бумагѣ; нужно было время отъ времени давать знать далекому начальству о положеніи въ какомъ находятся командированные, съ приложеніемъ „росписей“ о всѣхъ обстоятельствахъ; нужно было, однимъ словомъ, уметь грамотъ, если не всѣмъ, то по крайней мѣрѣ ближайшимъ начальникамъ и при томъ не только старшимъ, но и самымъ младшимъ, такъ какъ командированные самостоятельныя партіи были въ большинствѣ случаевъ очень малы, всего въ пять, десять, двадцать человекъ.

Зная условія сибирской службы и требованія, предъявляемыя тамошнему служилому человеку, правительство наше и сибирскіе воеводы, какъ въ московскій періодъ, такъ и въ петербургскій, всегда придавали должное значеніе надлежащему „прибору“ сибирскихъ служилыхъ людей изъ „нетяглыхъ“ — „добрыхъ молодцовъ къ воинскому дѣлу обычныхъ и стрѣлять умѣлыхъ“; особенно при назначеніяхъ на должности мелкихъ начальниковъ, въ званіи десятниковъ, пятидесятниковъ, дѣтей боярскихъ и т. п.

Знаніе грамоты всегда высоко цѣнилось между сибирскими служилыми людьми, прокладывая имъ дорогу ко всякаго рода служебнымъ повышеніямъ и усиленію Государева денежнаго и хлѣбнаго жалованья. Отсюда понятно и то стремленіе къ верстанію въ служилые люди, въ дѣти боярскіе и конные казаки всякаго рода выѣзжихъ и плѣнныхъ „черкасъ“ и „литвы“ какъ людей болѣе грамотныхъ, бывалыхъ и видалыхъ; понятно формированіе изъ нихъ цѣлыхъ командъ „литовскаго списка“ и посланки во всякія болѣе или менѣе видныя и отвѣтственныя командировки.

Читая и просматривая сохранившіеся въ архивахъ документы за первыя столѣтія занятія русскими Сибири, поражаешься массою всякаго рода донесеній, челобитныхъ, отчетовъ, отписокъ, росписей, доѣзжихъ записей, сказокъ, статейныхъ списковъ писанныхъ простыми казаками безъ посредства писарей или подъячихъ; немало встрѣчается — приложенныхъ къ тѣмъ-же донесеніямъ — чертежей, маршрутовъ, картъ пройденныхъ и осматрѣнныхъ казаками странъ. Невольно рождается вопросъ, гдѣ, у кого и когда учились эти рядовые казаки книжному искусству въ эпоху, когда это искусство по господствовавшему до сего времени взгляду съ великимъ трудомъ давалось только духовенству, и то не всему, да профессиональнымъ дякамъ и подъячимъ разныхъ ранговъ; когда даже для именитыхъ и титулованныхъ бояръ грамота не считалась обязательною? Приходится предположить, что или свѣдѣнія наши о поголовной, такъ сказать, безграмотности русскихъ людей до петровскаго времени не достаточно вѣрны, или, какъ сказано выше, что подборъ служилыхъ людей для Сибири былъ особенно строгъ; или что правительство и мѣстная сибирская администрація прилагали особое стараніе къ подготовкѣ грамотныхъ людей на мѣстѣ. Повидимому, все эти предположенія имѣютъ свое значеніе, а сравнительное обиліе, въ средѣ сибирскихъ служилыхъ людей, если не образованныхъ, то достаточно грамотныхъ людей, есть результатъ того и другаго и третьяго.

Оставляя пока, въ сторонѣ первое и второе изъ приведенныхъ обстоятельствъ, бросимъ здѣсь лишь бѣглый взглядъ на исторію

послѣдняго, т. е. на стараніе сибирскихъ властей подготовить для служебнаго поприща грамотныхъ людей. Собственно о XVII-мъ столѣтіи мы по этой части знаемъ очень мало, или лучше сказать ничего не знаемъ, такъ какъ какихъ бы то ни было общественныхъ или правительственныхъ школъ за это время въ Сибири, сколько извѣстно, еще не существовало. Не было ихъ даже и въ болѣе позднее время—во всю первую четверть XVIII столѣтія. Необходимые для службы грамотные люди комплектовались почти исключительно высылкою съ Москвы и плѣнными грамотьями изъ черкасъ и литвы. Изъ желанія удержать въ потомствѣ приобретенное дѣдами и отцами видное служебное положеніе, учили грамотѣ своихъ дѣтей и многіе изъ служилыхъ дворянъ, головъ и атамановъ; готовили себѣ свѣдущихъ помощниковъ, переписчиковъ и преемниковъ также и дьяки съ подъячими, при воеводскихъ приказныхъ избахъ. Всѣ это была однакоже болѣе или менѣе случайная подготовка. Болѣе систематически поставлено это дѣло только съ открытіемъ такъ называемыхъ „гарнизонныхъ школъ“ въ Tobольскѣ и Томскѣ, имѣвшихъ цѣлью заполнить недостатокъ грамотныхъ людей въ войскахъ. Конечно, двухъ школъ было совершенно недостаточно, сравнительно съ существовавшей потребностью въ грамотныхъ людяхъ; но и ихъ вліяніе не замедлило сказаться на быстромъ повышеніи образовательнаго уровня ближайшихъ—низшихъ начальниковъ служилыхъ людей. Просматривая списки десятниковъ, капраловъ и пятидесятниковъ казацкихъ, половины прошлаго столѣтія, нельзя не обратить вниманія съ одной стороны на чрезвычайно молодой составъ этихъ лицъ, а съ другой—на ихъ грамотность. Такимъ образомъ, напримѣръ, изъ списковъ старшинъ и казаковъ находившихся въ 1761 году въ службѣ на западно-сибирскихъ пограничныхъ линіяхъ, видно, что къ этому году здѣсь состояло: 2607 служащихъ сибирскихъ казаковъ, при 18 ти старшинахъ офицерскаго званія и 78-ми унтеръ-офицерскаго или урядничьяго. О грамотности нижнихъ чиновъ рядоваго званія въ тѣхъ спискахъ нѣтъ свѣдѣній; изъ урядниковъ же (капраловъ и пятидесятниковъ) грамотныхъ было — 47

человѣкъ или болѣе 60%; сотники же и атаманы, т. е. офицеры, всѣ были грамотные. Чтобы составить себѣ ясное понятіе о значеніи этихъ цифръ, достаточно сравнить ихъ съ таковыми же цифрами, выражающими грамотность у донскихъ казаковъ и башкирь-мещеряковъ, находившихся на службѣ по тѣмъ же линіямъ и въ тотъ-же 1761 годъ. Не считая нижнихъ чиновъ, оказывается, что въ этотъ годъ на нашихъ линіяхъ находилось 35 донскихъ атамановъ, есауловъ, сотниковъ и хорунжихъ, изъ которыхъ *умѣли грамотъ всего только 6 человекъ*, или только 17%! Изъ состава же 9-ти башкирскихъ и мещерякскихъ атамановъ, есауловъ и сотниковъ грамотный былъ только одинъ! Сравнивая этихъ донскихъ и оренбургскихъ офицеровъ съ сибирскими казаками нижняго или урядничьяго званія (не говоримъ уже объ офицерахъ), оказывается, что грамотность этихъ послѣднихъ, т. е. сибирскихъ урядниковъ, въ $3\frac{1}{2}$ раза превосходила офицерскую грамотность донскихъ казаковъ и въ $5\frac{1}{2}$ разъ башкирскихъ и мещерякскихъ. Фактъ поистинѣ изумительный.

Съ назначеніемъ начальникомъ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ, расположенныхъ на западно-сибирскихъ пограничныхъ линіяхъ дѣятельнаго и просвѣщеннаго генералъ-поручика Шпрингера, дѣло развитія грамотности въ здѣшнихъ войскахъ еще болѣе двинулось впередъ. По ходатайству его, независимо отъ Тобольской и Томской гарнизонныхъ школъ, въ 1765 году таковыя-же были открыты и на линіяхъ, въ крѣпостяхъ Омской, Петропавловской, Ямышевской и Бійской, всего на 450 школьничковъ изъ солдатскихъ дѣтей мѣстныхъ войскъ. Тогда-же, впрочемъ, оказалось, что всего этого комплекта школьничковъ заполнить исключительно солдатскими дѣтьми нельзя. Съ разрѣшенія Шпрингера въ гарнизонныя школы, разрѣшено было принимать и казачатъ. Мало того: даже начальникомъ главнѣйшей изъ школъ Омской, былъ назначенъ никто другой, какъ казакъ же, казацкіи атаманъ Андѣеровъ, на котораго возложено было и завѣдываніе хозяйственною частью всѣхъ прочихъ линейныхъ гарнизонныхъ школъ. Въ первый же годъ открытія школъ, въ нихъ поступило каза-

чать: въ Омскую школу—98; въ Петропавловскую—60; Ямышевскую—83 и Війскую—65, а всего 306 казачьихъ мальчиковъ. На дѣтей же линейныхъ драгунъ и гарнизонныхъ солдатъ, осталось всего 144 вакансіи.

Понятно, что столь быстрое приращеніе учащихся казачать, незамедлило отразиться на быстромъ повышеніи грамотности въ средѣ сибирскаго казачества; и хотя съ 1777 года доступъ въ гарнизонныя школы для дѣтей казаковъ былъ закрытъ, тѣмъ не менѣе и 12-ти лѣтній періодъ безпрепятственнаго допуская казачать къ школамъ, ясно сказался на служиломъ составѣ „сибирскихъ линейныхъ казаковъ“. Въ Московскомъ Архивѣ Главнаго Штаба, сохранился полный именной и формулярный списокъ старшинъ и казаковъ Сибирскаго казацкаго войска за 1793 годъ, съ точными отмѣтками противъ каждаго казака его лѣтъ, наружныхъ примѣтъ, роста, грамотности, прохожденія службы и семейнаго положенія. Изъ списка этого видно, что въ 1793 году въ Сибирскомъ казацкомъ войскѣ состояло на дѣйствительной службѣ—37 атамановъ, сотниковъ и старшинъ офицерскаго ранга и 2745 чело-вѣкъ пятидесятницкаго, капральскаго, десятницкаго и просто казачьяго званія.

Изъ 37 офицеровъ, всѣ, за исключеніемъ одного, были грамотные, и въ томъ числѣ нѣкоторые съ познаніями въ ариметикѣ, геометріи, тригонометріи и даже „практикѣ“, т. е. топографіи.

Изъ казаковъ нижняго званія *грамотныхъ было 405 чело-вѣкъ!* т. е., 15⁰/₁₀₀; или столько, сколько въ большинствѣ регулярныхъ войскъ не имѣется даже и теперь, не говоря уже о прошломъ столѣтіи, когда грамотности въ войскахъ можно сказать почти не существовало. О „вольныхъ“ казакахъ того времени нечего и говорить; достаточно сказать, что напр. въ Уральскомъ войскѣ за эти года самъ Войсковой Атаманъ Донсковъ русской грамоты совсѣмъ не зналъ и могъ только съ большимъ трудомъ крупными іероглифами подписывать свою фамилію! Изъ 7-ми войсковыхъ старшинъ, одинъ былъ тоже неграмотный, изъ 6-ти старшинъ неграмотныхъ двое, а изъ 36-ти сотниковъ неграмотныхъ

даже 12! Въ Астраханскомъ войскѣ изъ 4-хъ войсковыхъ старшинъ съ войсковымъ атаманомъ неграмотныхъ было двое; изъ 18-ти станичныхъ старшинъ грамотныхъ было всего 6 человѣкъ!

Въ цѣляхъ подготовки *переводчиковъ* и *толмачей* для сношеній съ сосѣдними азійтскими народами въ 1789 году въ Омскѣ открыта такъ называемая „*Азіятская, школа*“ комплектовавшаяся исключительно дѣтьми казаковъ. Въ школѣ этой, кромѣ русской грамоты и основъ математики, преподавались языки татарскій, турецкій, арабскій и персидскій. Со временемъ въ этой-же школѣ открыто отдѣленіе для подготовки съемщиковъ и *топографовъ*, комплектовавшееся, опять таки исключительно казачатами. Въ 1813 году, стараніемъ тогдашнихъ войсковыхъ атамановъ Сибирскаго войска Телятникова и Набокова, въ Омскѣ на войсковой счетъ открывается родъ средняго учебнаго заведенія для казаковъ, получившаго названіе „*войскового училища*“. Въ училищѣ этомъ преподавались: Законъ Божій, чтеніе, чистописаніе, русскій языкъ, понятія о должности человѣка и гражданина, ариметика, алгебра, геометрія, тригонометрія, географія, исторія, полевая фортификація, артиллерія, черченіе плановъ и рисованіе.

Благодаря существованію трехъ названныхъ училищъ, сибирскіе казаки явились, какъ выразился въ одномъ изъ своихъ представленій въ Петербургъ тогдашній главный начальникъ Западной Сибири — „истинною силою правительства“ — давая краю достаточно образованныхъ по тому времени мѣстныхъ офицеровъ, переводчиковъ, толмачей, топографовъ, не говоря уже о грамотныхъ, сообразительныхъ и всюду пригодныхъ урядникахъ и казакахъ. По свѣдѣніямъ за 1812 годъ видно, что изъ общаго числа 5950-ти состоявшихъ тогда на службѣ сибирскихъ линейныхъ казаковъ низшаго званія грамотныхъ было 745 человѣкъ; изъ 43-хъ офицеровъ, за исключеніемъ одного, всѣ были грамотные, съ знаніемъ многими изъ нихъ алгебры и геометріи и черченія плановъ.

Замѣчательно уваженіе съ какимъ относились въ то время, въ средѣ здѣшняго казачества къ образованію, не только высшіе его представители, но и всѣ мало-мальски выдѣлявшіеся изъ народной

неграмотной среды люди. Просматривая послужные списки казачьих офицеровъ, начала текущаго столѣтія, поражаешся тою старательностью, съ которой отмѣчается въ этихъ спискахъ всякое малѣйшее свѣдѣніе, могущее показать хотя бы самую слабую прикосновенность того или иного изъ офицеровъ къ наукѣ. Тщательность отмѣтокъ по этой части доходитъ въ нѣкоторыхъ изъ формуляровъ до смѣшнаго; напримѣръ про одного изъ офицеровъ въ его формулярѣ значится, что онъ въ числѣ прочей книжной мудрости знаетъ „Географію Россіи до торговли“; про другого пишется, что онъ превзошелъ ту-же науку „до сѣверной полосы“; третій знаетъ— „артиллерійскія записки первую главу“; четвертый усвоилъ алгебру „до пропорцій гармоническихъ“, „россійскую грамматику до спряженій“ и т. п. Противъ нѣкоторыхъ значится, что они знаютъ „науку сельскаго хозяйства и гражданскую архитектуру“. Чаще всего у лицъ прошедшихъ войсковое училище отмѣчается знакомство ихъ съ арифметикою, алгеброю, геометріею, тригонометріею и практикою (т. е. топографіею или геодезіею). Особенно цѣнилось умѣніе чертить рисовать и иллюминовать планы и разнаго рода техническіе чертежи. Отмѣтки:— „черченію ситуации перомъ, черченію и иллюминованію артиллерійскихъ и фортификаціонныхъ плановъ, искусствамъ рисованія рашеулемъ и кистью знаетъ“— встрѣчаются весьма часто. Противъ офицеровъ, не проходившихъ школьнаго ученія, писалось обыкновенно, что они— „россійской грамотѣ читать и писать умѣютъ, по-киргизски говорятъ“. Знаніе киргизскаго языка между офицерами этой категоріи, какъ и вообще между сибирскими казаками, очевидно, было очень распространено.

Сибирское пограничное начальство издавна умѣло пользоваться разнообразіемъ учебно-практической подготовки казачьаго офицерства и служилаго состава войска вообще. Не говоря о чисто военной службѣ и вооруженныхъ экспедиціяхъ казаковъ въ степь, что составляло, такъ сказать, специальное ихъ назначеніе, помянутое начальство съ неменьшимъ успѣхомъ пользовалось услугами и знаніями казаковъ и на болѣе мирномъ поприщѣ, — въ отноше-

ніяхъ съ киргизскими ордами, въ развѣдкахъ о томъ, что дѣлается въ степи и за границей, въ изслѣдованіяхъ топографическихъ, естество-историческихъ и проч. Одинъ голый перечень именъ и главнѣйшихъ командировокъ казаковъ съ сказанными цѣлями, можетъ уже дать понятіе о той видной роли участія, какая выпала на долю западно-сибирскихъ казаковъ въ обширной области землеислѣдованія вообще и изученія Азіатской Россіи въ частности. Не говоря пока о XVII и XVIII столѣтіяхъ, которыя составятъ специальную задачу послѣдующаго изложенія настоящаго труда, — замѣтимъ, что уже одна первая половина текущаго столѣтія можетъ дать богатый матеріалъ для описанія степей и Средней Азіи, по даннымъ, доставленнымъ казаками, извѣздившими эти страны въ означенное время.

Вспомнимъ посольство въ Ташкентъ здѣшняго „въ минералогіи свѣдущаго“ казацкаго атамана *Телятникова* въ 1797 году и вызванную имъ научную командировку туда-же въ 1800 году Бурнашева и Поспѣлова съ казаками. Поѣздки въ Кульджу въ 1804 году переводчика *Безносикова*, доставившаго весьма обстоятельный маршрутъ своего слѣдованія въ названный городъ. Командировку туда-же въ 1811 году другого сибирскаго казака — переводчика *Путинцева*, составившаго весьма обстоятельное описаніе пройденнаго имъ пути и всего при этомъ видѣннаго и слышаннаго, съ картою этого пути. Путешествіе въ Коканъ въ 1813—1814 г. переводчика *Назарова* въ сопутствіи нѣсколькихъ казаковъ съ сотникомъ *Везляжковымъ* во главѣ, представившихъ также крайне любопытный отчетъ о тогдашнемъ состояніи киргизскихъ степей и средне-азіатскихъ ханствъ. Поѣздки съ торговымъ караваномъ въ Кашгаръ переводчика *Бубеннова* въ 1814 году въ сопутствіи нѣсколькихъ казаковъ съ сотникомъ *Старковымъ* во главѣ, также представившихъ обстоятельный маршрутъ своего путешествія и описаніе ледниковъ Тянь-Шаня. Странствія по киргизскимъ степямъ горныхъ ученыхъ экспедицій въ 1815—1816 г. подъ руководствомъ извѣдывшаго и осматрѣвавшего тѣ степи во всевозможныхъ направленіяхъ есаула *Набокова*.

Рекогносцировки и научно-дипломатическія командировки казачьихъ офицеровъ и отрядовъ внутри степи, въ 20-хъ годахъ этого столѣтія при открытіи такъ называемыхъ внѣшнихъ округовъ, подъ руководствомъ тогдашняго просвѣщеннаго войсковаго атамана *Броневскаго*, оставившаго совмѣстно съ своими офицерами нѣсколько (частью напечатанныхъ) записокъ и замѣтокъ о степи, ея достопримѣчательностяхъ и жизни и хозяйствѣ тогдашнихъ казаковъ. Чрезвычайно интересную поѣздку въ Ташкентъ и Коканъ въ 1829 году, подробно описанную съ приложеніемъ маршрутной карты пройденнаго пути Хорунжаго *Потанина*, отца современнаго намъ знаменитаго сибирскаго казака-землеислѣдователя Сотника Г. Н. Потанина. Труды сибирскихъ казаковъ-топографовъ въ извѣстной ученой экспедиціи въ степи въ 1832 году Бутовскаго и въ послѣдующихъ степныхъ экспедиціяхъ, какъ научнаго, такъ и военнаго характера. Укажемъ на съемки Голодной степи казака-топографа *Бородина*; участіе въ съемкахъ экспедиціи Чихачева на Алтай—*Боярскаго*; съемки *Валанова* въ зимнюю экспедицію академика Миддендорфа къ Сѣверо-Восточному мысу Сибири; съемки *Крутикова* на Амурѣ; съемки и описанія озеръ: Зайсана, Балхаша и Иссыккуля—*Нифантьева* и многихъ другихъ топографовъ-казаковъ, менѣе извѣстныхъ, но такъ или иначе вложившихъ свои круицы въ сокровищницу науки землевѣдѣнія. Упомянемъ о поѣздкѣ въ киргизскую степь и описаніи ея *Е. И. Старковымъ* (сыномъ помянутаго выше сотника Старкова, бывшаго въ 1814 году въ Кашгарѣ). Воздадимъ должное еще болѣе замѣчательной дѣятельности *Е. И. Старкова*, какъ выдающагося изъ ряда преподавателя Географіи въ Сибирскомъ кадетскомъ корпусѣ, сумѣвшаго заинтересовать своихъ учениковъ этою наукою, полюбить ее и образовать цѣлую плеяду замѣтныхъ дѣятелей въ области землевѣдѣнія. Помянемъ въ числѣ этихъ учениковъ киргиза *Чекана Валиханова* (числившагося временно въ рядахъ сибирскаго казачьяго войска), путешественника въ Кашгаръ; путешественника въ тотъ-же Кашгаръ и Кульджу *Рейнтала* (поручика артиллеріи Сибир. каз. войска); Хорунжаго (*нигъ протіо*

рея) *Путинцева*, извѣстнаго въ духовной литературѣ и нѣкоторыми печатными своими трудами въ области изслѣдованія киргизскихъ степей; Войсковаго Старшину *Усова*—статистика - изслѣдователя и историка Сибирскаго войска; наконецъ, знаменитаго землеислѣдователя и ученаго путешественника по киргизскимъ степямъ, Китаю и Монголіи, Сотника Г. Н. *Потанина*, разнообразныя ученые труды котораго по землевѣдѣнію извѣстны всякому, сколько либо причастному къ этой наукѣ, человеку. Умолчимъ, пока, о прочихъ современныхъ намъ сибирскихъ казакахъ—дѣятеляхъ въ области географіи. Предполагая, если дозволить обстоятельства, посвятить трудамъ сибирскихъ казаковъ въ этой области, особую книгу о географическихъ изслѣдованіяхъ въ теченіе XIX столѣтія, мы скажемъ болѣе подробно объ этихъ современникахъ, наравнѣ съ многими другими казаками, о которыхъ въ только что приведенномъ перечнѣ не упомянуто. Не говоримъ, пока, и о трудахъ простыхъ рядовыхъ казаковъ въ качествѣ проводниковъ и переводчиковъ при ученыхъ развѣдчикахъ-офицерахъ и великаго рода путешественникахъ; про казаковъ конвоировъ, развѣдчиковъ, охотниковъ, коллекторовъ, чучельщиковъ; про казаковъ плѣнныхъ, на примѣръ—*Милютина, Батарыжкина, Суворова, Марченкова, Девятова* и многихъ другихъ, необычайно цѣнными и разносторонними показаніями и наблюденіями которыхъ переполнены печатныя труды и отчеты многихъ ученыхъ изслѣдователей степей, горъ и народовъ Средней Азіи. Имя этимъ рядовымъ пособникамъ науки—легіонъ.

Съ неменьшимъ, если не сказать съ большимъ усердіемъ, чѣмъ только что помянутые землеислѣдователи-казаки нашего столѣтія, подвизались на поприщѣ географіи и ихъ предшественники XVII и XVIII столѣтій. Правда, отчеты ихъ и описанія пройденныхъ странъ не столь подробны и научны какъ у первыхъ, карты-же и чертежи не выдерживаютъ никакого сравненія, за то географическій районъ ихъ изысканій (если не считать современнаго намъ Потанина) значительно шире и какъ топографически, такъ и климатически разнообразнѣе. Не будемъ говорить о зем-

ленроходцах - открывателяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ завоевателяхъ Восточной Сибири; это не входитъ въ задачи настоящаго труда. Кто не слышалъ объ открытіяхъ и приключеніяхъ *Поляркова*, *Хабарова*, *Бузы*, *Дежнева*, *Стадухина*, *Атласова*, *Анциферова* и другихъ любителей необъятныхъ пространствъ къ востоку отъ Енисея? Донесеніями ихъ о преѣденныхъ странахъ, а еще болѣе о вооруженномъ подведеніи тѣхъ странъ подъ высокую царскую руку, переполнены цѣлыя томы „Актовъ Историческихъ“ и сборниковъ ученыхъ и неученыхъ рассказовъ о подвигахъ русскихъ людей въ далекихъ странахъ. Ограничиваясь болѣе скромною задачею обзора русскихъ изслѣдованій въ Средней Азій, киргизскихъ степяхъ и сѣверномъ Китаѣ, мы напомнимъ здѣсь о болѣе скромныхъ, но въ смыслѣ услугъ собственно географіи, несомнѣнно болѣе почтенныхъ дѣятеляхъ, каковы были на примѣръ: первый изъ русскихъ путешественниковъ, посѣтившихъ въ 1616 г. Сѣверо-Западную Монголію и описавшихъ свои странствія — Тарскій казачій атаманъ *Василій Тюменецъ* съ десятникомъ *Иваномъ Петровымъ*; первый изъ русскихъ людей, пробравшихся черезъ пустыни Гоби во Внутренній Китай (1618—1620 г.) Томскій казакъ *Иванъ Петлинъ* съ *Андреемъ Мундовымъ* и другими „товарищи“ — чрезвычайно интересно и обстоятельно (по тому времени) описавшій свой длинный путь и всё видѣнное и слышанное при этомъ; Тарскій казачій атаманъ *Гроза Ивановъ*, съ боярскимъ сыномъ *Дмитріемъ Черкасовымъ*, двукратно посѣтившіе въ 1624—1626 г. и описавшіе *Ямышъ озеро* и верхній *Иртышъ*, до нынѣшней станицы *Семіарской*, и привезшіе оттуда *алебастръ*. Боярскій сынъ *Петръ Сабанскій* съ атаманомъ *Дорофеевымъ*, двукратно проникавшіе съ томскими казаками въ 1633—1642 г. къ слиянію рѣкъ *Бія* и *Катуни*, открывшіе при этомъ *Телецкое озеро* и описавшіе его и окрестныхъ обитателей. Дѣти боярскіе *Гречанинъ* и *Старковъ* съ томскими атаманами и казаками, неоднократно, начиная съ 1633 года, проникавшіе въ Сѣверо-Западную Монголію къ тамошнимъ *Алтынь-Ханамъ* въ качествѣ русскихъ посланцевъ и обстоятельно описавшіе всѣ эти

видимое и слышанное въ тамошнихъ странахъ. Тарскій боярскій оунъ *Федоръ Байковъ*, съ тарскими казаками проѣхавшій въ 1654 году и описавшій свой путь отъ Тары по Иртышу къ озеру Нурь-Зайсану и далѣе по Монголіи во внутренній Китай и Пекинъ. Постѣдователи Байкова — казаки *Малыгинъ* и *Перфильевъ*, одинъ за другимъ проѣзжающіе въ Китай по тѣмъ же путямъ. Многократныя казачія экспедиціи вверху по Иртышу къ Яншю озеру въ теченіе всего XVII столѣтія. Посольство въ 1691 году изъ Тобольска къ киргизь-кайсацкому хану Тивкѣ въ Туркестанъ сына боярскаго Андрея *Непринасова*, съ казачкомъ *Васильемъ Кобяковымъ*. Вторичное посольство туда же въ 1694 году казаковъ Федора *Сибина* и Матвея *Трошина*, подробно описавшихъ свое крайне интересное странствіе черезъ нынѣшнюю киргизскую степь къ Туркестану и отсюда черезъ Бухару и Хиву на Яикъ, Волгу и оттуда, чрезъ Уфу, обратно въ Тобольскъ. Наконецъ, глубоко интересныя въ географическомъ и историческомъ отношеніи труды тобольскихъ боярскихъ дѣтей *Семена Ремезова* съ сыновьями *Семеномъ*, *Леонтьемъ*, *Иваномъ* и *Петромъ*, составившихъ извѣстную „*Ремезовскую*“, „*Тобольскую*“ или „*Краткую Кунгурскую Сибирскую Лытошню*“, служащую до сихъ поръ главнѣйшимъ источникомъ для изученія начальнаго знанія Сибири русскими, и „*Чертежную книгу Сибири*“ или атласъ съ 23 картами и планами, представляющій собою родъ географической энциклопедіи или свода всего, что къ концу XVII стол. знали русскіе люди о Сибири, киргизскихъ степяхъ и Средней Азіи, по изысканіямъ сибирскихъ служилыхъ и неслужилыхъ людей всякаго званія.

Въ XVIII столѣтіи нельзя не отмѣтить двукратныхъ поѣздокъ внутрь Джунгаріи въ 1713 и 1720 г.г., въ качествѣ посла къ тогдашнему Контайшѣ, тарскаго казацкаго головы *Ивана Чередова*, подробно имъ описанныхъ въ донесеніяхъ начальству. Путешествіе въ 1714—1716 г.г. изъ Тобольска въ Сѣверный Тибетъ къ прославленному ланѣ путешественнику *Н. М. Пржевальскаго* озеру *Куку-Норъ* и въ страну *Тангутонъ* тобольскаго слу-

жилаго дворянина *Трушникова* съ казаками. Двѣ посольскихъ же поѣздки внутрь киргизскихъ степей въ 1716—1717 г.г. къ тогдашнимъ киргизскимъ ханамъ *Каипу* и *Абулхаиру* боярскихъ дѣтей *Блюцова* и *Брянцева* съ казаками. Изслѣдованія озера *Норъ-Зайсана* и *Чернаго Иртыша* въ 1719 г. *Колмаковъ*, *Урасовъ* и *Сомовъ*. Посольство къ *Аблай-хану* Сотника *Ерофеева* въ 1745 году. Поѣздка на рѣку *Бухтарму* къ китайскимъ пограничнымъ пикетамъ Сотника *Волошанина* въ 1769 г. и его-же замѣчательная поѣздка внутрь *Семирѣчья* и въ *Кульджу* въ 1771 году, весьма подробно, интересно и обстоятельно описанная имъ въ *путевомъ журналѣ*. Наконецъ, минералогическая поѣздка въ киргизскія степи въ 1789 году атамана *Телятникова* и его-же помянутое выше посольство въ тѣхъ же цѣляхъ изысканія рудныхъ богатствъ въ *Ташкентѣ* въ 1797 году.

Не говоримъ о болѣе подчиненныхъ или второстепенныхъ и третьестепенныхъ роляхъ, которыя занимали западно-сибирскіе казаки въ качествѣ проводниковъ, переводчиковъ, охотниковъ, конвоировъ и развѣдчиковъ при посольствахъ и ученыхъ экспедиціяхъ въ киргизскія степи, *Джунгарію* и *Китай*: *Спафарія* въ 1675 году, *Юдина* въ 1691 году, *Лихарева* на *Черный Иртышъ* въ 1719 году; *Унковскаго* и *Урюмова* въ *Джунгарію* въ 1723—1732 г.г.; *Миллера* въ его странствіяхъ по *Сибири* и къ *Аблай-Кетскимъ палатамъ*; *Зеленаго*—на *Зайсанъ*; *Фалька*, *Палласа*, *Сиверса* въ ихъ путешествіяхъ по *Сибири* и многихъ другихъ, менѣе извѣстныхъ. Не упоминаемъ, пока, и о массѣ мелкихъ поѣздокъ въ приграничныя и заграничныя страны западно-сибирскихъ казаковъ, дѣтей боярскихъ, служилыхъ сибирскихъ дворянъ и вообще служилыхъ людей „нерегулярнаго казацкаго строя“ и ихъ словесныя и письменныя показанія въ качествѣ промышленниковъ, развѣдчиковъ, плѣнныхъ и вообще „бывальцевъ“ и т. д.

Задача настоящаго труда—сгруппировать, по возможности, и привести всѣ эти мелкія и крупныя поѣздки и экспедиціи, краткія и пространныя, словесныя и письменныя показанія сибирскихъ

служилыхъ людей, въ болѣе или менѣе систематическій порядокъ и попытаться на основаніи ихъ воспроизвести если не одну общую, то нѣсколько частныхъ картинъ состоянія южной части Сибири, киргизскихъ степей, Средней Азіи и сѣв.-зап. Монголіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

Источниками, изъ которыхъ извлекались данныя о поѣздкахъ и развѣдкахъ всѣхъ названныхъ и неназванныхъ еще боярскихъ дѣтей и казаковъ-ислѣдователей, какъ и самыя писанныя ихъ отчеты, служили частью уже появившіяся въ свѣтъ болѣе или менѣе извѣстныя и неизвѣстныя рѣдкія изданія, помянутыя ниже въ выноскахъ, а частью (преимущественно при описаніи событій XVIII столѣтія), архивныя дѣла, рукописи и карты, которыми авторъ имѣлъ возможность пользоваться, занимаясь въ Императорской публичной библіотекѣ, библіотекахъ Императорскаго Географическаго Общества и Главнаго Штаба, въ Ученомъ архивѣ того же Штаба, въ архивѣ Главнаго Управленія казачьихъ войскъ, въ Московскихъ архивахъ: Главнаго Штаба, Министерства Иностранныхъ дѣлъ и мѣстныхъ западно-сибирскихъ архивахъ города Омска: бывшаго Главнаго Управленія Западной Сибири, Областнаго Правленія, бывшаго Корпуснаго Штаба отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, Войсковаго Хозяйственнаго Правленія Сибирскаго казачьяго войска и др.

Чувствительныя пробѣлы, равно какъ и односторонность показаній и изслѣдованій казаковъ-современниковъ описываемыхъ эпохъ, восполнялись, по возможности, историко-географическими изслѣдованіями позднѣйшихъ или современныхъ намъ сибирскихъ казаковъ и собранными ими печатными и непечатными матеріалами, относящимися къ здѣшнему краю—каковы: труды Полковника *О. Н. Усова*, *Есаула Н. Г. Путинцева* и, главнымъ образомъ, изслѣдованія и матеріалы извѣстнаго ученаго географанатуралиста Сотника *Г. Н. Потанина*. Вообще авторъ настоящаго изысканія старался соединить или по крайней мѣрѣ намѣтить и по возможности обобщить въ краткомъ изложеніи, все то, что сибирскіе служилые люди вообще и западно-сибирскіе

казаки въ частности, въ теченіе своей трехсотлѣтней службѣ Престолу и Отечеству, такъ или иначе, сумѣли внести въ сокровищницу науки землѣдѣнія, включивъ въ то число и свои (автора) собственныя историко-географическія изысканія, ибо и авторъ настоящаго труда по своему происхожденію и службѣ также принадлежитъ къ числу западно-сибирскихъ казаковъ.

Г. КАТАНАЕВЪ.

г. Омскъ,
30-го Августа
1892 г.

Г Л А В А I-я.

УПРОЧЕНІЕ РУССКОЙ ВЛАСТИ ВЪ СИБИРИ И ПЕРВЫЕ ШАГИ ВГЛУБЬ КУЛУНДИНСКИХЪ И ИШИМСКО-ТОБОЛЬСКИХЪ СТЕПЕЙ.

Заложеніе города Тары и военныя экспедиціи противъ Кучума вверхъ по Иртышу за р. Омь и чрезъ Барабу на Обь.—Мѣсто послѣдней битвы съ Кучумомъ.—Царство Кучума.—Мѣста тогдашнихъ жочевокъ ногаевъ и казачьей орды.

Заложеніе города Тары въ 1594 году можно считать первымъ шагомъ русскихъ вглубь Средней Азіи, хотя несомнѣнно, что и до того времени мы проникали не только до этого пункта, но и далѣе вверхъ по Иртышу, ибо уже въ указѣ о строеніи того-же Тарскаго города, между прочимъ, говорится— „взять на расходъ разнымъ людямъ 70 пудовъ соли и къ тому прибавку послать изъ новаго города на Тарѣ на озеро Ямышъ и велѣть соли привезти на стругѣхъ“¹⁾; то есть говорилось о посылкѣ за 700 верстъ отъ только что намѣченнаго къ возведенію города, къ нынѣшнему г. Павлодару, какъ о дѣлѣ совершенно возможномъ и въ мѣстность достаточно хорошо извѣстную.

Закладывая Тару, Московское правительство (главнымъ образомъ будущій Царь и устроитель Сибири Борисъ Годуновъ), очевидно, задавалось весьма широкими планами, а именно: *во-первыхъ*, какъ неоднократно писалось первымъ Тарскимъ воеводамъ— „Кучума Царя въ конецъ истѣснить“, т. е. покончить съ этимъ беспокойнымъ властителемъ сибирскихъ пустынь, не желавшимъ признать здѣсь русской власти, не смотря на то, что къ этому времени въ Сибири были заложены уже Тобольскъ, Тюмень, Целинь, Березовъ, Мангазья, Сургутъ; *во-вторыхъ*— завести торговля и всякія нынѣ сношенія съ народами тогдашней южной Сибири и Средней Азіи, для чего наказывалось: „ежели Бухарскіе и Ногайскіе купцы прійдутъ въ городъ Тару съ товарами, лошадьми и рогатымъ скотомъ, то тамошнимъ жителямъ имѣть съ ними свободный торгъ, обходясь съ ними дружески, привлекать ихъ черезъ то къ себѣ и по про-

¹⁾ *Миллеръ*. Описаніе Сибирскаго царства. С.-Петербургъ, 1750 г.

дажъ товаровъ отпускать ихъ безпрепятственно. Ежели-же которые изъ нихъ пожелаютъ ѣхать съ товарами своими и со скотомъ въ Тобольскъ или Тюмень, то сіе имъ тоже позволять¹⁾“; *третьихъ*—открыть ближайшія посольскія сношенія съ вліятельнѣйшими изъ владѣльцевъ средне-азіятскихъ странъ — „принимая (ихъ) по слову въ Тарѣ надлежащимъ образомъ, выслушавъ ихъ предложеніе, писать въ Москву, а ихъ самихъ отпускать назадъ въ ихъ землю“²⁾. Съ другой стороны, какъ видно изъ помянутаго предложенія о посылкѣ струговъ за солью на Ямышъ озеро (гдѣ издавна уже существовалъ родъ ярмарочнаго обмѣна товаровъ съ-вера и юга), правительство наше открывало и русскимъ людямъ широкое поле дѣятельности въ этомъ направленіи.

Дѣйствительно, Тарѣ суждено было, если не вполнѣ, то въ большей части, особенно въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка, выполнить намѣченныя ей широкія правительственныя задачи.

Первое, за что принялись тарскіе воеводы,—это по цареву указу „Кучума Царя истѣснять“, благо онъ самъ, слышавъ о намѣреніи русскихъ продолжать наступательное движеніе вверхъ по Иртышу, выступилъ къ нимъ навстрѣчу, пославъ впередъ сына своего Алея, въ населеннѣйшую изъ близкихъ къ русскимъ татарскихъ волостей Ямынскую, съ цѣлью отведенія ея съ наступательнаго пути русскихъ, въ ближайшее свое вѣдѣніе.

Изъ росписи, приложенной къ наказу первому Тарскому воеводѣ князю Андрею Васильевичу Елецкому, видно, что ближайшею къ Тобольску по Иртышу ясачною волостью въ четырехъ дняхъ пути была волость Курдакская съ княземъ Конкуломъ во главѣ и населеніемъ въ 350 платежныхъ душъ. Далѣе, въ восьми дняхъ отъ Тобольска, на Иртышѣ располагалась волость Соргай, съ княземъ Янышемъ и 80-ю душами ясачниковъ. Еще далѣе—въ двухъ дняхъ пути—волость Отузь, всего съ 15-ю ясачными; въ двухъ дняхъ отъ нея вверхъ по Иртышу—волость Тава съ 10-ю ясачниками; волость Урусъ съ 6-ю человекѣми; Токузь—съ тремя; Супра и наконецъ въ 15-ти дняхъ пути отъ Тобольска Аялы съ

¹⁾ Фитеръ. Сибирская Исторія. С.-Петербургъ, 1774 г.

²⁾ Фитеръ. Сибирская Исторія.

500-ми жителей, плативших ясакъ частью русскимъ, а частью Кучуму. Въ этой-то волости и велѣно было возвести г. Тарь на рѣкѣ Тарѣ.

Устроившись, вмѣсто оказавшагося неудобнымъ для заселенія устья р. Тары, на р. Архаркѣ, но назвавъ новый городъ всётаки, какъ предписывалось, Тарою, князь Андрей Елецкій немедленно же отправилъ вверхъ по Иртышу развѣдчиковъ провѣдывать гдѣ стоитъ Царь Кучумъ и куда откочевала большая часть ялыньскихъ татаръ. Развѣдчики эти были: Гриша *Ясырь* съ 90 товарищами тюменскими и тобольскими казаками и лятвою. Возвратившись въ Тару 30-го декабря съ 23-мя плѣнными оялыньцами, они объявили, что ходили вверхъ по Иртышу въ „малогородскія“ волости (т. е. нужно думать въ малогородныя или малолюдныя волости, въ родѣ только что помянутыхъ Супринской, Токузской, Урусской и др.)— „до Вузюковы деревни, что на Вузюковѣ озерѣ, и тѣ всѣ татарове на томъ озерѣ *ловятъ рыбу на Кучума Царя...*“ Перебивъ часть этихъ татаръ, казаки подъ пыткой допросили остальныхъ и дознали при этомъ, что— „какъ де слышалъ Кучумъ Царь что идутъ наши всеводы съ воинскими людьми вверхъ по Иртышу до Ялы, города ставить, и онъ Кучумъ Царь прислалъ къ нимъ сына своего Алея и велѣлъ ихъ всѣхъ забрати къ себѣ и Алей собралъ оялыньскія волости татаръ сто-пятьдесятъ человекъ и отвелъ ихъ вверхъ по Иртышу на *Черный островъ*, и тутъ де они на Черномъ острову поставили *городокъ*, и въ томъ городкѣ зимуютъ; да съ ними-жъ малогородцевъ 50 человекъ... и ловятъ приходя на Вузюковѣ озерѣ рыбу на Царя и посылаютъ къ Царю Кучуму; а отъ Царя къ нимъ люди привзжаютъ ежедень; а Царь де Кучумъ стоитъ вверхъ по Иртышу *межъ двухъ рѣчекъ* одернувся *телмами*, за Омь рѣкою, пѣшимъ ходомъ днища съ два; а ходу до Кучума отъ ихъ городка отъ Чернова острова, *пѣшимъ* людьми не скорымъ ходомъ *днищъ съ пять или шесть*¹⁾“.

Узнавши гдѣ находятся бѣглые оялыньцы и самъ Кучумъ, князь Елецкій, снарядилъ на поискъ за ними отрядъ въ 276 человекъ

¹⁾ *Миллеръ*. Описаніе Сибирскаго царства.

разнаго рода служилыхъ людей подъ начальствомъ головы Бориса *Доможирова*, казацкаго атамана Казарина *Волгина* и двухъ стрѣльцкихъ сотниковъ. Отрядъ этотъ немедленно-же лѣтнимъ ходомъ бросился къ зимовью на Черномъ островѣ, разорилъ его, выжогъ и нагнавъ немногихъ спасшихся было отъ погрома бѣглецовъ, возвратился въ Тару съ 23-мя плѣнными кучумовцами.

Въ слѣдующемъ 1595 году въ мартѣ мѣсяцѣ, произведенъ былъ новый поискъ съ 483-мя служилыми людьми во главѣ съ тѣмъ-же Доможировымъ и головою *Рупосовымъ*, въ волостяхъ Чунгулу, Лугуй, Турашъ, Тереня и др., признававшихъ до сего власть *Новайскаго мурзы Алея*¹⁾. Слѣдствіемъ этого втораго поиска было признаніе названными татарскими волостями власти русскихъ, съ уплатою установленнаго ясака въ Тару и выѣзгъ на Тару-же матери извѣстнаго плѣннаго царевича *Манеткула съ мурзою Чивомъ и тридцатью другими ближними къ нимъ татарами*²⁾.

Второй Тарскій воевода, смѣнявшій Андрея Елецкаго въ 1595 году, Ѳеодоръ Елецкій-же, успѣшно продолжалъ дѣло своего предшественника. Во главѣ съ 467-мью человеками служилыхъ людей, ему удалось въ 1596 году настигнуть, повидимому, самого Кучума въ городокъ *Тунусъ*, разбить его и взять городокъ; хотя Кучумъ и здѣсь, какъ нѣсколько разъ ранѣе сего, опасся бѣгствомъ³⁾.

Въ 1598-мъ году мы видимъ Кучума почующимъ на *Черныхъ водахъ* (несомнѣнно на рѣчкѣ Кара-сухъ въ Кулундинской стени), по прежнему будирующимъ противъ русскихъ и отводящимъ отъ нихъ цѣлыхъ семь волостей на Обь рѣку. Московское правительство требуетъ отъ тарскихъ воеводъ энергическаго преслѣдованія врага. Согласно этого требованія, второй (т. е. младшій) Тарскій воевода Андрей *Воейковъ*, 4-го августа того-же года выступаетъ розыскивать Кучума съ однимъ татарскимъ головою, двумя атаманами, тремя боарскими дѣтьми и до 400 казаковъ, литвы и пр. служилыхъ людей. Отъ 4-го сентября онъ доносилъ въ Москву:

¹⁾ Повидимому старшаго сына Кучума Алея, женатаго на Ногайской княжнѣ.

²⁾ *Миллеръ*. Царскій указъ Долгорукову отъ 26-го іюля 7103 года.

³⁾ *Бунинскій*. Заселеніе Сибири и бытъ ея первыхъ насельниковъ. Харьковъ. 1889 г.

„И августа Государь въ 10-й день посылалъ я холопъ Твой въ посылку сына боярскаго Илью Беклемишева да голову татарскаго Черкаса Олександрова въ волости для языковъ, которые волости отъ тебя Государя Царя и Великаго Князя Бориса Феодоровича всеа Русіи, *отвелъ Кучумъ Царь въ 106 году*, въ Турашскую и въ Любарскую волость. И августа въ 10-й день привели ко мнѣ изъ посылки „... лучшихъ людей, которые сказали на разспросѣ—, велѣлъ де имъ Кучумъ Царь всеѣмъ волостнымъ лучшимъ людемъ Курпицкимъ и Турашскимъ и Любарскимъ... и Чойскимъ и Куромскимъ, жить на Уби....“ (какъ пояснено будетъ ниже Убь, озеро Убинское, въ Барабѣ).... „Кучумъ Царь кочуетъ.... *Черныхъ водахъ*, а въ собраньи деи съ Кучумомъ его людей 500 человекъ, да *Бухарскихъ торговыхъ людей 50 человекъ*. И я Государь по тѣмъ вѣстямъ пришлоу на Убь озеро августа въ 15-й день, и на Уби озерѣ лучшихъ волостныхъ людей поималъ *которыхъ отвелъ отъ тебя....* Кучумъ Царь въ прошломъ 106 году¹⁾ и въ разспросѣ мнѣ холопу Твоему лучшеіи люди сказали про Кучума Царя: *пошелъ деи Кучумъ Царь съ Черныхъ водъ на Обь рѣку, съ дѣтьми своими и со всеѣми своими людьми гдѣ у него хлѣбъ стянъ; а имъ деи велѣлъ жити на Уби озерѣ, а ясаку деи Тебѣ....* имъ давати не велѣлъ, а приказалъ де имъ беречь своей волости Барабинскому лучшему человекъ Ескигильдею Турундаеву. И я холопъ твой лучшихъ волостныхъ людей поималъ.... И велѣлъ я холопъ Твой имъ жити *по своимъ старымъ юртамъ*; а въ Барабинскую, Государь, волость я холопъ твой послалъ сына боярскаго Илью Беклемишева да атамана Казарина Волнина. И августа Государь въ 16-й день привели ко мнѣ изъ Барабинскія волости.... трехъ лучшихъ людей (и 15 ясачныхъ)— и въ распросѣ мнѣ холопу твоему и съ пытки Кучумовы люди (имена) сказали: Кучумъ деи Царь кочуетъ на Оби на рѣкѣ гдѣ у него хлѣбъ посѣянъ, а въ собраньи деи съ Кучумомъ Царемъ его людей 500 человекъ; а хочеть деи поидти

¹⁾ То есть въ 1598 году;— бумага Воейковымъ писана 4-го сентября 1071 года, т. е. 4-го сентября 1598 г.; не нужно забывать, что въ то время новый годъ начинался съ 1-го сентября.

Кучумъ подь твой Государя Царя и Великаго Князя Бориса Феодоровича всеа Русіи, городъ подь Тару, и на Ялыискую и на Каурдацкую волость войною вскорѣ, да и Кучумовыхъ деи людей живетъ на Икѣ озерѣ¹⁾ семей съ тридцать не доходя Кучумова кочевья *четыре днища*. И я холопъ твой по тѣмъ вѣстямъ послалъ на Икѣ озеро дѣтей боярскихъ (имена) да татарскую голову (имя) а съ ними (100 человекъ) казаковъ и служилыхъ татаръ. И (они) Кучумовыхъ людей на Икѣ озерѣ сошли и побили, а живыхъ привели ко мнѣ пять человекъ, (которые показали:) Кучумъ деи Царь кочуетъ на Оби рѣкѣ, а по нихъ деи прислалъ, чтобъ они шли къ нему собраны, а хочеть деи Кучумъ Царь итти подь городъ подь Тару, и на Ялыискую и Каурдацкую волость войною вскорѣ; а нынѣ деи Кучумовы люди кочуютъ отъ Кучумова кочевья въ *днищъ* и *въ дву днищахъ* семей съ двадцать. И я холопъ твой послалъ дѣтей боярскихъ Мосѣя Глѣвова да Феодора Лопухина да съ ними тарскихъ конныхъ казаковъ да тарскихъ юртовскихъ татаръ, а велѣлъ имъ на Кучумовы люди приходити ночью чтобъ ихъ съ вѣстью къ Кучуму Царю не упустить. И (они) Кучумовыхъ людей которые кочевали отъ Кучума въ днищъ и въ дву днищахъ побили на голову ни одного человека къ Кучуму съ вѣстью не упустили. А самъ я Государь покыи кошъ на Икѣ озерѣ и пошелъ на Кучума Царя наспѣхъ и день и ночь и станъ Кучума Царя на Оби рѣкѣ *выше Чатъ три днища* на лугу на *Ормени* (т. е. на Ирмени) отъ *Калмаковъ въ дву днищахъ*. И пришелъ Государь а холопъ твой на Кучумъ Царя въ 20-й день, на солнечномъ восходѣ и бился съ Кучумъ Царемъ до полдень; и Божиимъ милосердіемъ и твоимъ Государевымъ (имя) счастиемъ Кучума царя побилъ, а дѣтей его царевичевъ и царицъ его поймалъ и брата Кучумова“ ... и т. д.²⁾

Изъ росписи, приложенной къ донесенію Воейкова, видно, что при окончательномъ пораженіи Кучума на Оби, были взяты пять

¹⁾ Вѣроятно слѣдуетъ читать не Икѣ, а Итъ—озеро, или полное названіе Итъ-куль, т. е. Собачье озеро, находящееся въ барабѣ.

²⁾ *Акты Историческіе*. Т. 2. Отписки Царю Борису Феодоровичу Тарскому воеводы Андрея Воейкова отъ 4-го сентября 1598 года.

его сыновей съ Асманакъ царевичемъ во главѣ, 8 кучумовыхъ женъ и 8 же дочерей; жена Алея съ сыномъ и дочерью— „да Канай царевича царица, Уруса князя Ногайскаго дочь, съ двумя дочерьми“, не считая прочихъ лучшихъ и черныхъ людей.

Останавливаясь пока на этомъ въ изложеніи начальнаго занятія Сибири русскими людьми, мы позволимъ себѣ разобрать нѣсколько подробнѣе только что приведенныя выписки изъ донесеній и развѣдокъ воеводъ и пр. служившихъ людей, въ цѣляхъ опредѣленія или возстановленія по нимъ района кочевокъ Кучума послѣ сбитія его „съ куреня“ Ермакомъ и мѣстъ главнѣйшихъ событій въ исторіи борьбы этого замѣчательнаго сибирскаго царька съ русскими.

Совершенно правдоподобнымъ намъ представляется показаніе Тобольскаго сына боярскаго *Ремезова* (лѣтописца), что послѣ разбитія Кольцовымъ-Масальскимъ въ 1591 году въ Ишимской степи при озерѣ Чиликуль, Кучумъ „съ немногими татари и съ женами и съ дѣтьми своими... утече на калмытской рубежъ Ишима и Норъ-Ишима¹⁾, Оши²⁾ и Камышлова³⁾, между озеръ въ крѣпкія мѣста и ту живяше сокрытно и наkostenе русскимъ и ясачнымъ зельне по близу Тарскаго города.... Ту живя Кучумъ со своими до лѣта 105 (т. е. до 1597 г.) скитаяся“. Множество татарскихъ названій озеръ, рѣкъ и разныхъ урочищъ въ предѣлахъ Тюкалинскаго и Ишимскаго округовъ, гдѣ теперь татаръ совсѣмъ не имѣется, показываетъ, что край этотъ въ давно прошедшую старину былъ татарскимъ или ногайскимъ. До настоящаго времени сохранились и многія изъ названій урочищъ,

¹⁾ Норъ-Ишимомъ въ старину назывался лѣвый притокъ р. Ишима Терсъ-Акканъ; а иногда и р. Нура, тутъ же по близости вливающаяся въ большое степное озеро Денгызъ или Кургалъжинъ, а въ то время, очень вѣроятно, составлявшая еще притокъ рѣки Ишима; почему и называлась Норъ-Ишимъ. Слѣды бывшаго слиянія этихъ двухъ рѣкъ существуютъ еще и теперь, ибо несомнѣнно что притокъ Кузу-Кочъ, близъ г. Акмолинска, и теперь еще въ весеннее поводье, ежегодно соединяющій Нуру съ Ишимомъ, есть бывшее русло Нуры.

²⁾ Оша—лѣвый притокъ Иртыша въ предѣлахъ Тюкалинскаго округа.

³⁾ Бывшій лѣвый притокъ Иртыша, нынѣ цѣль озеръ съ соединяющими ихъ протоками, тянущаяся по Горькой казачьей линіи вдоль южной границы Тобольской губерніи и сѣверной—Акмолинской.

рѣкъ, озеръ и волостей, о которыхъ упоминается въ только что названной лѣтописи и помянутыхъ выше донесеніяхъ тарскихъ воєводъ. Озеро „Вузюкъ“ или Изюкъ, на которомъ татары „рыбу для Кучума Царя ловили“, лежитъ близъ Иртыша, представляя его ерикъ или подковообразную заливную старицу, прѣтивъ деревни Изюкъ, сѣвернѣе Такмынской слободы Тарскаго округа. „Чернымъ островомъ“, гдѣ заложено было зимовье бѣжавшими изъ подъ Тары кучумовичами, по всей вѣроятности, слѣдуетъ считать мѣстность или займище, лежавшее по лѣвую сторону Иртыша въ странѣ черныхъ водъ, гдѣ на рѣчущей Карасукъ (т.е. въ буквальномъ переводѣ съ татарскаго—черная вода) лежатъ невдалекѣ одна отъ другой—деревни Верхне-Карасукская, село Карасукъ и село Черно озерное, Тюкалинскаго округа. Въ окрестностяхъ этого-же займища лежатъ озера—Лагуй, Терень, Ингалы съ селомъ Ингалинскимъ, напоминающія созвучіемъ названій раззоренныя Доможировымъ, Волнинымъ и Рупосовымъ кучумовскія волости—Чунгуду, Терень и Лугуй. Южнѣе ихъ, а можетъ быть частью и восточнѣе, какъ по лѣвую, такъ и по правую сторону Иртыша, размѣщались болѣе многолюдныя Турашскія волости, подвѣдомственныя кочевавшему съ ногайцами царевичу Алею; а южнѣе ихъ за Омью, какъ видно изъ приведеннаго выше показанія Ясыря— „между дву рѣчекъ... нѣшимъ ходомъ днища съ два“ зимоваль и самъ царь Кучумъ, нужно думать, между нынѣшними казачьими поселеніями Ачаиромъ и Атмасомъ¹⁾).

¹⁾ Въ настоящее время, какъ извѣстно, въ двухъ днищахъ къ югу отъ р. Оми никакихъ рѣчекъ не встрѣчается; но нѣтъ основаній отрицать, что эти рѣчки въ кучумовскія времена существовали, ибо, какъ мы увидимъ впоследствии, не только за триста, но и за 170 лѣтъ тому назадъ, по показаніямъ современниковъ, рѣчки эти еще были и вливались въ Иртышъ. Изъ дневника Унковскаго, командированнаго въ 1728 году къ Джунгарскому контайшѣ, видно, что слѣдуя по правому берегу Иртыша отъ Омской крѣпости къ югу, онъ между нею и Желѣзинскою крѣпостью (нынѣ казачья станица) на протяженіи не болѣе 200 верстъ, встрѣтилъ и перешелъ въ августѣ мѣсяцѣ черезъ пять рѣчекъ: Чайръ, Борщевку, Орловку, Ахмасъ и Окуневку. Нынѣ ни одной изъ этихъ рѣчекъ не существуетъ, и только названіе первой изъ нихъ—Чайръ показываетъ, что она протекала близъ нынѣшняго поселка Ачаира, а Ахмасъ протекала въ мѣстности, гдѣ теперь расположенъ поселокъ Атмаскій.

Располагаясь недалеко помянутых зориных русскими татарских волостей и имѣя съ ними сношенія „ежеденъ“, какъ говорится въ показаніи Ясыря, Кучумъ, не смотря на постоянно терпимыя имъ неудачи въ столкновенияхъ съ русскими, тѣмъ не менѣе, имѣлъ на все татарское населеніе громадное вліяніе. Не смотря на принятіе русскаго подданства, татары этихъ волостей, находясь ближе къ Кучуму, чѣмъ къ русской Тарѣ, больше слушались его, а не русскихъ. Въ 1597 году они, по его наущенію, покинули ранѣе насиженныя мѣста и, перейдя на Омь, двинулись вверхъ по этой рѣкѣ и Тарѣ, подальше отъ русскихъ, подъ водительствомъ повидимому самого Кучума или старшихъ сыновей его и „главнаго промышленника“ Асманакъ-царевича. Откочевкѣ этой мало чѣмъ помѣшала и погоня за ними тарскихъ служилыхъ людей во главѣ съ княземъ Федоромъ Елецкимъ и разбитіе кучумовцевъ въ Тунусѣ¹⁾. Остатки разбитыхъ волостей разсыплются въ верховьяхъ рѣки Оми и по Барабинскимъ озерамъ; а самъ Кучумъ удаляется къ юго-востоку отъ большаго озера Чановъ въ Кулундинскую степь на р. Кара-сукъ (Черная рѣчка), или на „Черныя воды“, какъ доносили воеводѣ Войкову казаки-развѣдчики, — гдѣ существовали недалеко отъ рѣки Оби „на Ормени“ кучумовы пашни.

Путь слѣдованія Войкова съ казаками и литвою въ рѣшительный походъ 1598 г. на Кучума, можно приблизительно наметить отъ города Тары вверхъ по Иртышу до рѣчки Тары, затѣмъ — вверхъ по этой рѣкѣ лѣвымъ ея берегомъ въ страну большихъ и малыхъ Барабинскихъ озеръ чрезъ рѣки Тартасъ, Ичу и Омь къ большому Убинскому озеру; отсюда къ Ить-кулю и не доходя до „Чаятъ“ (такъ называлась болотисто-лѣсистая мѣстность близъ нынѣшней Колывани въ низовьяхъ рѣки Чикъ, впадающей въ Обь), на юго-востокъ степью черезъ вершины р.р. Карасука и Чика на р. Ирмень, впадающую въ Обь съ лѣвой стороны. Тутъ на берегу Оби въ окрестностяхъ Ирменьскаго бора и нынѣшнихъ до-

¹⁾ Трудно въ настоящее время указать мѣсто нахождения Тунуса. Существуетъ два притока рѣки Тары, носящихъ это названіе; имѣется также немало и озеръ именуемыхъ Тунусъ или Тенисъ.

ревень Луговой, Верхъ-Ирменъки, Половинной и другихъ, противъ рѣчекъ Ельцовки и Атаманки съ деревнями Завьяловой и Атаманкой и произошла битва, рѣшившая участь Кучума Царя Сибирскаго. Это было 2-го августа 1598 г.

Намъ неизвѣстно существуютъ-ли въ той мѣстности какія либо преданія объ этой битвѣ и записаны-ли они кѣмъ-либо; если существуютъ, то желательно было-бы обратить на это обстоятельство должное вниманіе. Названія мѣстныхъ урочищъ—Атаманово, Ельцовка, Завьялова, быть можетъ, имѣютъ историческое происхожденіе, связанное съ пребываніемъ здѣсь тарскихъ служилыхъ людей, въ числѣ которыхъ были атаманы и казаки съ фамиліей Завьяловыхъ. По крайней мѣрѣ, исторически извѣстно существованіе тарскаго казацкаго головы Завьялова; а названіе рѣчки Ельцовки, быть можетъ, имѣетъ какую либо болѣе или менѣе близкую связь съ фамиліей первыхъ тарскихъ воеводъ князей Елецкихъ „въ конецъ истѣснившихъ“ Царя Кучума и загнавшихъ его на Ирмень.

Не найдя Кучума ни въ числѣ плѣнныхъ, ни въ убитыхъ, Воейковъ кинулся розыскивать его вверхъ и внизъ по Оби, по островамъ и за рѣкою. Въ донесеніи своемъ къ Царю Борису Годоровичу по этому случаю онъ пишетъ: „А про Кучума Царя Государя, языки многіе сказываютъ что Кучумъ въ Оби рѣкѣ утопъ, а иные языки сказываютъ что Кучумъ въ суднѣ утекъ за Обь рѣку и я холопъ твой плавалъ на плотѣхъ за Обь рѣку со всею твою Государя Царя и Великаго Князя... ратью и Кучумъ Царя за Обью рѣкою по лѣсомъ въ крѣпяхъ и по островамъ на Оби рѣкѣ искалъ и нигдѣ его не нашель“.¹⁾

Пробывъ на мѣстѣ побойща пять дней и покончивъ съ остатками разбѣжавшихся по окрестностямъ кучумовцевъ, Воейковъ съ отрядомъ своимъ и съ плѣнными отправился обратно, боясь соѣдства *калмыковъ*, собравшихся, по слухамъ, всего въ двухъ дняхъ пути южнѣе въ количествѣ до пяти тысячъ душъ. Не по-

¹⁾ Акты историческіе т. 2-й.—Отписка Воейкова къ царю Борису Годоровичу отъ 4-го сентября 1598 года.

шелъ онъ и на Чатъ, не будучи увѣренъ въ томъ, что найдетъ тамъ Кучума и боясь съ другой стороны быстрого наступленія глубокой осени и выпаденія снѣга, ибо отрядъ его снаряженъ былъ по лѣтнему. На Чатъ имъ отправленъ былъ лишь одинъ изъ плѣнныхъ мурзъ съ товарищами приведенный къ шерти на вѣрность Царю, съ наказомъ развѣдывать про Кучума и, буде послѣдній найдетъ, убѣждать его не боясь дурна ѣхать на Русь въ подданство Московскаго Царя. Идя обратно, Воейковъ сзываетъ отведенныхъ Кучумомъ ясачныхъ татаръ и нагазывалъ имъ идти обратно на прежнія кочевья, грозя въ противномъ случаѣ строгимъ наказаніемъ ослушникамъ. Страхась исполненія угрозы, часть татаръ-кочевниковъ немедленно-же послѣдовала къ Иртышу за Воейковымъ и плѣнною Кучумовой семьей, часть обѣщала прикочевать въ слѣдующемъ году (что и исполнила), часть-же, пообѣщавшись, такъ и осталась на новыхъ мѣстахъ; такова была, на примѣръ, Турпешская инородческая волость, существующая и до сихъ поръ въ Барабѣ къ сѣверу отъ озера Чаны.

Такъ закончилось начатое еще Ермакомъ покореніе татарскаго „Царства Сибирскаго“. Собственно „царства“ въ общепринятомъ смыслѣ, какъ видно уже изъ вышеизложеннаго, не существовало, ибо нельзя назвать царствомъ сборища ничтожныхъ, малолюдныхъ кочевыхъ волостей, разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ, безъ всякой между собою органической связи, за исключеніемъ одного властолюбиваго князька, насильно заставлявшаго себѣ платить дань эти разрозненныя бродячія волости. Наибольше сгущенное населеніе этого эфемернаго царства, до ермаковскаго разгрома, размѣщалось по нижнему теченію рѣкъ Туры, Тобола и частью по Иртышу отъ впаденія въ него Тобола до Тары. Все прочее пространство вверхъ по Иртышу до Оми и за Олю, по Барабѣ и Кулундѣ, равно какъ и верховья Ишима и Тобола составляли лишь область, болѣею частью, только лѣтнихъ кочевыхъ тѣхъ-же татаръ и ногаевъ, сгруппированныхъ въ названныхъ прірѣчныхъ и озерныхъ мѣстностяхъ. Несомнѣнно, однако-же, что духъ и власть татарщины царили на всей этой обширной площади; масса татарскихъ (погай-

ских) названій рѣкъ, озеръ и другихъ урочищъ на отмѣченномъ пространствѣ, существующихъ еще и до настоящаго времени, (хотя на этихъ урочищахъ издавна живутъ уже исключительно русскіе люди), несомнѣнно это подтверждаетъ. Власть татарская или въ частности, Кучумовская распространялась и на еще болѣе слабыхъ народцевъ нетатарскаго племени, обитавшихъ въ низовьяхъ Иртыша и Оби,—остяковъ, вогуличей, пелымцевъ, кондинцевъ, платившихъ дань Кучуму¹⁾).

По исчисленіямъ изслѣдователя быта первыхъ русскихъ насельниковъ Сибири г. Буцинскаго²⁾ къ концу описываемаго нами періода, въ районѣ бывшаго сибирскаго царства можно было насчитывать всего до 4000 душъ взрослыхъ ясачниковъ, тогда какъ предъ Ермаковымъ походомъ, по его мнѣнію, ихъ было по крайней мѣрѣ въ десять разъ больше, т. е. до ⁴⁰/т. душъ.

Послѣдняя цифра сорокъ тысячъ, при всемъ нашемъ уваженіи къ почтенному труду названнаго автора, кажется намъ преувеличенною. По исчисленіямъ русскихъ посланцевъ въ сибирское царство въ 1555 г. при Едигерѣ, здѣсь числилось „черныхъ“, т. е. ясачныхъ, людей 30,700 душъ; едва ли она была больше и при Кучумѣ. Достаточно припомнить, что вся дружина Ермака, прошедшая изъ конца въ конецъ наиболѣе населенною частью сибирскаго царства состояла всего не болѣе какъ изъ 800—500 человекъ; а затѣмъ постепенно уменьшаясь, къ приходу царскихъ войскъ дошла всего до трехсотъ. Чѣмъ какъ не крайнею мало-численностью (не говоря о храбрости и совершенномъ пренебреженіи къ слабосильному непріятелю со стороны казаковъ) объяснить тѣ многочисленные факты, что напримѣръ въ самый разгаръ борьбы для присоединенія всѣхъ низовыхъ инородцевъ Ермакъ посылаетъ съ Брызгою всего 50 человекъ; или что тогда-же какихъ нибудь 20 казаковъ отваживаются безбоязненно выѣзжать на рыбную ловлю, засыпаютъ безъ караула и захватываются въ плѣнъ

¹⁾ См. о сѣверныхъ инородцахъ Кучумова царства статью А. Оксенова въ Томскихъ Губ. Вѣд. за 1888 г. «Сибирское царство до эпохи Ермака».

²⁾ Буцинскій—«Заселеніе Сибири и бытъ ея первыхъ насельниковъ», 1889 г. Харьковъ.

самимъ татарскимъ главнокомандующимъ Маметкуломъ; а въ походъ на Маметкула въ отмѣтку за это посылаются всего 62 человекъ, которые и захватываютъ въ плѣнъ этого грознаго воителя; для *огражденія* одного изъ сильнѣйшихъ мурзъ Карачи отъ нападенія ногайскихъ хищниковъ, отправляется атаманъ Кольцо всего съ 40 человекъ; навстрѣчу и для обороны Бухарскаго каравана, шедшаго по слухамъ изъ степи, Ермакъ за полтораста верстъ выходитъ всего съ 50-ю казаками и т. д. При всей несомнѣнной храбрости казаковъ и пренебреженіи къ непріятелю, такіе малолюдные поски съ большими результатами, возможны только въ пустынь, какова Сибирь и главное ея мусульманское царство, въ дѣйствительности и были, какъ до прихода Ермака, такъ и послѣ его, во время борьбы съ кучумовичами первыхъ тобольскихъ, тюменскихъ и тарскихъ воеводъ. Несомнѣнно, что первымъ завоевателямъ этой громадной страны, приходилось бороться не столько съ людьми, сколько съ необъятными пространствами и суровою природою Сибири съ ея страшными морозами, буранами, сугробами снѣгу, громадными рѣками и рѣчками, непролазными болотами и тундрами, безпредѣльными степями, непроходимыми лѣсами, урманами и всякою боздорожицею.... Приходилось однимъ и тѣмъ-же людямъ дѣйствовать въ погонѣ за быстроходнымъ, трусливымъ, разбросаннымъ на громадномъ пространствѣ непріателемъ—„и пѣше, и конно, и лыжно и стружно“. Оставлять-же этого трусливаго и безсильнаго непріятеля безъ всякаго вниманія, не подводя подъ высокую царскую руку и не приводя къ шерти на вѣрность, было нельзя, ибо, по весьма жѣткому выраженію помянутаго боярскаго сына *Ремезова*—лѣтописца, этотъ непріятель— „*скрыто пакостяше* русскимъ и ясачнымъ зельне (зело)“—не давалъ ни воинскимъ, ни мирнымъ поселеніямъ и жителямъ, ни житья, ни покоя. Постоянно подкарауливая и набѣгая „воровски“ то на пашни, то на луга, то на скотскіе табуны, то на рыбныя ловли и одинокихъ беззащитныхъ людей, проѣзжающихъ, женщинъ и дѣтей, то на отдѣльно стоящіе хутора и займи, раззоряя и сжигая ихъ до тла, сибирскіе кочевники держали первыхъ рус-

евихъ поселенцевъ въ постоянномъ страхѣ за свои животы. При такихъ невозможныхъ условіяхъ думать о культурномъ заселеніи страны и ея мирномъ развитіи было совершенно невозможно; нужно было во что бы то ни стало „известить“ врага или проучить настолько серьезно, чтобы онъ не смѣлъ „пакостить“. И служилые люди дѣйствительно изводили и учили пакосниковъ, неустанно гоняясь за ними за сотни верстъ. Поискъ Воейкова за Кучумомъ чрезъ Барабу и Кулунду до Ирмени, несомнѣнно долженъ занять весьма видное мѣсто въ длинномъ ряду подобныхъ-же поисковъ казаковъ за все время нашей борьбы съ сибирскими кочевниками. Пройти съ отрядомъ въ 500 человекъ по степямъ и болотамъ съ переправою чрезъ множество болѣе или менѣе широкихъ рѣчекъ, на протяженіи не менѣе семисотъ верстъ, всего въ 16 дней, удавалось немногимъ изъ военачальниковъ; особенно если принять во вниманіе, что на всемъ этомъ пути отряду Воейкова приходилось постоянно высылать разъѣзды и легкіе отряды на поиски „языковъ“ и для захвата всѣхъ вѣстовщиковъ, которые могли-бы предупредить Кучума о походѣ русскихъ; что ему, какъ мы видѣли, и удалось въ полной мѣрѣ.

Судить о степени осѣдлости кучумовскихъ татаръ, по тѣмъ крайне скуднымъ даннымъ, которыя дошли до насъ, чрезвычайно трудно. По всей вѣроятности, быть ихъ весьма близко подходило къ быту высшихъ прирѣчныхъ киргизъ, имѣющихъ постоянныя болѣе или менѣе скученныя въ видѣ деревень зимовья, съ тою лишь разницею, что постройки, не смотря на близость лѣсовъ, по всей вѣроятности, были тогда въ громадномъ большинствѣ не бревенчатыя (какъ то часто теперь встрѣчается у киргизъ, берущихъ примѣръ съ русскихъ), а сырцовыя и дерновыя и глиняныя, на подобіе бухарскихъ сакль; ибо какъ по мѣсту своего начальнаго происхожденія, такъ по обычаямъ и вѣрѣ, они были болѣе южане, чѣмъ сѣверяне; мало того: несомнѣнно, въ средѣ ихъ проживало множество торговыхъ и пашенныхъ бухарцевъ въ сильной степени вліявшихъ на сибирскихъ татаръ. По словамъ помянутаго лѣтописца *Ремезова*, даже сама „столица“ или вѣрѣе центральное становище

Кучума на Иртышѣ при устьѣ Тобола, носило названіе „Кан-
лыкъ“ или киплакъ, каковымъ именемъ у бухарцевъ и таранчей
въ настоящее время называется всякое селеніе. Русскіе въ такого
рода становища называли „городками“. Автору настоящихъ изне-
каній, лучшіе изъ этихъ городковъ или киплаковъ, каковы: Ис-
кортъ, Чингидинъ, Еманчикъ, представляются въ родѣ современи-
ныхъ намъ челякнзакскихъ¹⁾ степныхъ поселеній Устькаменогорокаго
уѣзда, гдѣ мусульманско-бухарская осѣдлая жизнь и цивилизація
такъ тѣсно сблизилась съ покультурностью дольныхъ почвенниковъ-
киргизъ, что въ челякнзакѣ не отличишь гдѣ въ немъ и его до-
машней обстановкѣ кончается осѣдлый бухарецъ и гдѣ начинается
почвенникъ-киргизъ. Въ поселеніяхъ этого рода сырцовая или гли-
няная безкрышная сакля помѣщается о-бокъ съ бревенчатою из-
бою или мечетью и войлочною юртою²⁾). Работы или размахъ ко-
чевокъ жителей каждаго изъ такихъ становищъ или городковъ,
по всей вѣроятности, не былъ великъ, такъ какъ большинство си-
бирскихъ татаръ того времени, подобно нынѣшнимъ киргизамъ,
обитающимъ близъ озера Зайсана и по Черному Иртышу, будучи
рыболовами не менѣе чѣмъ скотоводами, должны были держаться
ближе къ рыболовнымъ рѣкамъ и озерамъ, разставляя свои
лѣтнія налатки, юрты и юламы вблизи зимовныхъ становищъ и

¹⁾ Челякнзаками называются полуосѣдлые потомки бухарцевъ—отцовъ и киргизовъ—матерей.

²⁾ На существованіе бревенчатыхъ сакль у почвенниковъ Кучумова време-
ни указываетъ, между прочимъ, показаніе командированнаго въ 1601 г. для
розыска Кучумовыхъ дѣтей, боярскаго сына Гавриила Артемьева, который, оты-
скавъ двоихъ изъ нихъ (Каная и Азима) у Ишимской верхней луки близъ
истоковъ Абути впадающей въ Тоболь, въ дубравѣ, между прочимъ писалъ:
„а поставлены де у нихъ шаны рублены въ стѣны кругомъ, по ширѣ де шаны
съ полчетвертадесять; да у нихъ же обдернуто около избъ телѣгами кочевны-
ми большими, для крѣпости отъ приходовъ“... и т. д. Точно также „одернув-
ся телѣгами, на Омь рѣкою“ стоялъ, какъ мы видѣли выше изъ донесенія
Тарскаго воеводы князя Елецкаго, и самъ Кучумъ въ 1595 году. Нужно ду-
мать, что эти „большія кочевныя телѣги“ тѣ-же самыя большескоlessя одно-
осныя арбы или тарантаны, что существуютъ у степныхъ киргизъ и въ на-
стоящее время. Нѣчто вродѣ „шаны рубленныя въ стѣны кругомъ“ на по-
добіе юртъ, также встрѣчается у нынѣшнихъ киргизъ, особенно-же у полу-
кочвенниковъ вѣвстаго Алтая.

кишлаковъ. Пашни, судя по тому, какъ тогдашніе татары легко снимались съ насыженныхъ мѣстъ (какъ и у нынѣшнихъ киргизъ), были далеко не общимъ явленіемъ и едва-ли не были дѣломъ, главнымъ образомъ, бухарцевъ, а не татаръ. Бухарцы-же, какъ сказано, были едва-ли не единственными представителями торговаго класса, посредничая между промышленнымъ и, если можно такъ выразиться, фабричнымъ югомъ (Малая Бухарія) и богатымъ пушннною остяцко-вогульско-татарскимъ сѣверомъ. Какъ отдѣльные бухарскіе торговцы, такъ и цѣлые караваны ихъ, проникали далеко на сѣверъ. Можно сказать, всѣ предметы одежды и даже домашняго обихода сибирскихъ татаръ и ногайцевъ и частью сѣверныхъ подвластныхъ имъ инородцевъ финскаго племени были бухарскаго издѣлья. Сами по себѣ сибирскіе татары того времени, не исключая и князей или царевичей Кучумова рода, были люди весьма мало состоятельные. Извѣстно, на примѣръ, что вся кучумова семья, захваченная Воейновымъ на Оби, привезена была въ Москву въ такомъ жалкомъ видѣ и одѣяніи, что гордый и самолюбивый царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, чтобы не компрометтировать себя и всё дѣло завоеванія сибирскаго царства, не рѣшился выустить ее въ такомъ видѣ въ столицу. Приказано было всѣхъ членовъ этой семьи, прежде чѣмъ торжественно ввезти въ Москву и показать народу, обмундировать заново на казенный счетъ съ головы до ногъ. Такимъ образомъ, на примѣръ, старшему изъ захваченныхъ сыновей Кучума—Асманаку даны были вновь сшитыя ферези, „сукно багрець червчатъ на корсакъхъ (корсакъхъ), завязки шолкъ зеленъ съ золотомъ, кафтанъ камка кызылбашская (персидская), шолкъ аль да зеленъ, на черевъхъ на лисьихъ, кафтанъ кызылбашскій озямской камчатъ, шапка лисья черна, сапоги сафьяные желты, *рубашка*.“ Царицамъ: старшей Салтанымъ—„шуба камка адамашка рудожелта, на куницахъ опушена атласомъ съ серебромъ, кругъ ея и по швамъ кружево, шолкъ чернъ съ серебромъ, петли шолкъ чернъ, пуговицы корольковныя“....—Другой царицѣ Сюддежанъ: „шуба камка адамашка бѣла на пупкахъ на собольихъ, опушена атласомъ золотымъ, кругъ ея кру-

жево и по пивамъ шодеть червчатъ да чернъ съ золотомъ, пуговицы серебряныя“ и т. д. всѣмъ прочимъ членамъ царской семьи и чинамъ свиты¹⁾.

Торжественный въездъ всей плѣнной кучумовской семьи въ Москву состоялся 17-го января 1599 года. Во главѣ поѣзда въ надлежащихъ мѣстахъ, по два въ рядъ, ѣхали главнѣйшіе виновники захвата въ плѣнъ кучумовичей: Савинъ Васильевичъ *Воейковъ* (повидимому братъ втораго тарскаго воеводы и начальника экспедиціоннаго отряда Андрея Воейкова), дѣти боярскіе Илья *Бенлемишевъ*, Ѳедоръ *Лопухинъ*; казацкіе атаманы—Казаринъ *Волнинъ*, Третьякъ *Жарной*; девять человекъ литвы, одиннадцать конныхъ тобольскихъ и тарскихъ казаковъ и шесть пѣшихъ казаковъ. Сами плѣнники и плѣнницы, согласно Высочайше одобреннаго церемоніала, ѣхали (взрослые порознь, а малые при матеряхъ или по двое) въ особыхъ росписныхъ саняхъ, запряженныхъ пугожъ и ведомыхъ на поводьяхъ особыми проводниками въ собольихъ шубахъ; „а которые ѣдутъ съ царицами (писалось въ церемоніалѣ) „и тѣмъ всѣмъ шубы надѣти *выворачивая* подпоясався—а всѣхъ будетъ ихъ въ шубахъ 50 человекъ“²⁾.

Между тѣмъ приведенный Воейковымъ къ шерти и посланный въ Чагы на развѣдки о пропавшемъ Кучумѣ, Мурза Селить Туль-Маметъ, дѣйствительно пустился въ поиски за бывшимъ своимъ повелителемъ и, на третій день, нашелъ его съ тремя сыновьями и тридцатью оставшимися вѣрными сторожниками въ лѣсу. По словамъ посланца, Кучумъ во время боя, пользуясь общою безпорядочною свалкою, бросился въ „судно“ и самъ-третей съ сыновьями „утекъ“ внизъ по Оби. На предложеніе Сента смириться и послѣдовать на Русь за своею семьею, упорный Кучумъ отвѣтилъ: „Не поѣхалъ я къ Государю по Государевѣ грамотѣ, своею волею, въ кою пору я былъ совсѣмъ цѣлъ; а за саблю мнѣ теперь ѣхать къ Государю не по что; нынѣ я сталъ глухъ и слѣпъ

¹⁾ *Акты историческіе* т. 2-й роспись пожалованнаго Государемъ Кучумову семейству платья.

²⁾ *Акты историч.* т. 2-й. Роспись отъ 16 Янв. 1599 г., какъ въѣхать въ Москву.

и безъ всего живота: взяли у меня пражниенника сына моего Асманакъ; если-бы у меня всѣхъ дѣтей поймали, а одинъ-бы у меня остался Асманакъ, я бы съ нимъ еще промыслилъ; а нынѣ я ѣду съ Ногаи, а сына своего посылаю въ Бухару¹⁾). Съ такимъ отвѣтомъ Сеитъ и прибылъ въ Тару 5-го октября.

Убѣдившись, что рассчитывать на поддержку кулундинскихъ и чатскихъ татаръ нечего, Кучумъ рѣшилъ, какъ онъ и говорилъ Сеиту, бѣжать въ Ногаи, гдѣ у него, повидимому, находились въ это время не послѣдовыише на Обь, сыновья Алей и Канаи, изъ которыхъ первый былъ женатъ на дочери Ногайскаго князя Тияъ-Ахмата, а послѣднй на плѣенной русскими при Ирмени, дочери Ногайскаго князя Уруса; тамъ-же находилась и одна изъ дочерей Кучума, выданная за Ногайскаго Акъ-Мирзу²⁾). Едва одѣтый и снабженный чатскими татарами, изъ милости, лошадьми для бѣгства, Кучумъ направился знакомымъ путемъ между р. р. Карасукъ и Бурлу, сначала на Иртышъ, а затѣмъ въ верховья Ишима и Нури къ громадному озеру Кургальджинъ (на картахъ обозначаемому обыкновенно подъ названiемъ Денгизъ), гдѣ въ это время кочевала Ногайская орда и гдѣ, повидимому, находились и Алей съ Канаемъ. По крайней мѣрѣ, какъ мы вѣдѣе за симъ увидимъ, отсюда эти царевичи производили свои набѣги на русскiя и татарскiя поселенiя въ верховьяхъ рѣкъ Тобола, Мiаса, Ницы и др.

О бѣгствѣ къ Кургальджину упоминаетъ и тобольскiй лѣтописецъ боярскiй сынъ *Ремезовъ*, прибавляя при этомъ, что первоначально Кучумъ направился вверхъ по Иртышу къ озеру Зайсанъ въ „калмыцкую землю и похитилъ у калмыковъ коней много число и побѣжа на ино мѣсто со своими; калмыки-же гнаша во слѣдъ его и достигша на Норъ-Ишимъ у озера Кургальчина, и ту многихъ кучумлянъ побина и коней, своя стада отъяша и достальное имѣнiе его пограбиша. Кучумъ-же бѣжа отъ нихъ съ малыми людьми въ ногайскую землю жити и кормится нице-

¹⁾ *Акты историч.* т. 2-й. Отписка тарскихъ воеводъ отъ 17-го окт. 1709 г.

²⁾ *Кавказск.* т. IX, примѣч. 689.

тою“. Странствіе Кучума на Зайсанъ и вообще къ калмыкамъ представляется намъ маловѣроятнымъ. Правдоподобнѣе дѣло объяснить такимъ образомъ, что Кучумъ во время бѣгства своего въ верховья Ишима, натолкнулся на юченья калмыковъ (начинавшихъ въ это время, родъ за родомъ, выдвигаться изъ Монголіи въ верховья Оби и Иртыша), и по старой привычкѣ степныхъ кочевниковъ не воздержался отъ того, чтобы воровскимъ манеромъ не отогнать часть нужныхъ ему для дальняго пути коней; и подвергся за то преслѣдованію калмыковъ. Дальнѣйшая судьба Кучума намъ мало извѣстна. Умеръ онъ, повидимому, насильственной смертію въ 1601 году, такъ какъ съ этого года, старшій сынъ его Алей сталъ именовать себя *ханомъ сибирскимъ*. Изъ показаній спутниковъ помянутаго выше боярскаго сына Артемьева по этому поводу, между прочимъ, видно, что привѣщавшіе въ томъ году къ Алею и Канаю-царевичамъ въ верховья р. Абуги бухарскіе купцы съ лошадьми, передавали Канаю поклонъ отъ матери его, давно отпущенной Кучумомъ „за старость“ на родину въ бухарскій городъ Сауранъ, и предложеніе прибыть въ тотъ городъ „на княженіе“; но Канаю не поѣхалъ — „для того что отца де ихъ Кучума заманивъ въ колмаки обманомъ убили.... да у нихъ въ Бухарѣхъ многихъ ногайскихъ мурзь заманивъ обманомъ, побили¹⁾“. О томъ-же событіи сибирскій лѣтописецъ боярскій сынъ *Ремезовъ* пишетъ: „Егда-же Кучумъ со своими къ ногаямъ явился тогда ногаи ни мало потеряша, собравоя съ роды своими, убиша Кучума и прочее имѣніе отъяша, а людей его похолодиша и гдаголаша ему: вѣдомый ты и славной воръ, Муртазелевъ сынъ, и отецъ твой намъ много зла содѣлалъ и ты хотя и нищъ, тоже и намъ учинишь, что и прочіе твои люди **отъ тебѣ-же убиты и полюблены**“. Противорѣчіе этого послѣдняго сказанія съ показаніемъ спутниковъ Артемьева, намъ кажется, можно примирить предположеніемъ, что вѣмощный тѣломъ, но не падавшій никогда духомъ, Кучумъ и послѣ Всеяковскаго погрома въ Барабѣ, не успокоился: съ толпою добровольцевъ изъ ногайцевъ

¹⁾ Русская историческая библиот. т. 2 й, ст. № 99.

онъ видимо кинулся съ верховьѣвъ Абури и Ишима искать счастья и сторонниковъ на Сыръ-Дарью, въ сѣверный Туркестанъ, давнее гнѣздо всякаго рода искателей вольной добычи киргизъ-казаковъ, каракалпакѣвъ и бродячихъ калмыковъ-джунгаръ; но вмѣсто поддержки и счастья, нашелъ себѣ смерть въ средѣ неустойчивыхъ въ своихъ симпатіяхъ хищниковъ¹⁾.

По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ видно, что въ 1600 году, четверо изъ уцѣлѣвшихъ сыновей Кучума—Алей, Канай, Азимъ и Кубей-Муратъ кочевали въ только что помянутыхъ верховьяхъ р. Ишима около озера Кургальджина и далѣе на сѣверо-западъ въ вершинахъ р. Тобола, совмѣстно съ немногими своими привер-

¹⁾ Здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о неоднократно упоминавшемся выше сибирскомъ лѣтописцѣ Семенѣ Ремезовѣ и его дѣтяхъ - помощникахъ по историческимъ и картографическимъ трудамъ, хотя первые изъ этихъ трудовъ относятся главнымъ образомъ къ эпохѣ Ермака и его сибирскому походу, а вторые къ концу XVII столѣтія. Несомнѣнно, что авторы „Сибирской лѣтописи“ и „Чертежной книги Сибири“ одни и тѣ же лица: тобольскіе боярскіе дѣти Семенъ Ремезовъ - отецъ и Семенъ-же, Леонтій, Инавъ и Петръ Ремезовы—сыновья; это видно какъ по надписямъ авторовъ на томъ и другомъ трудѣ, такъ и по пристрастію лѣтописцевъ къ географическимъ описаніямъ, соединеннымъ съ обязательнымъ изображеніемъ написаннаго рисункомъ (въ лѣтописи 154 рисунка). При всемъ неправдоподобіи нѣкоторыхъ рассказовъ и обилии риторическихъ прикрасъ, ремезовская лѣтопись несомнѣнно обладаетъ массою такихъ достоинствъ, которыя дѣлаютъ ее для историка Сибири, можно сказать, незаменимою. Миллеръ и Фишеръ составили свои исторіи завоеванія сибирскаго царства по Ремезову; новѣйшій историкъ этой страны г. Будницкій находитъ ремезовскую лѣтопись наиболее вѣрною и лучшей изъ сибирскихъ лѣтописей; даже Карамзинъ, считая ее „состоящей болѣе изъ худыхъ рисунковъ, нежели изъ повѣствованія“, не могъ воздержаться, чтобы не сдѣлать изъ нея многихъ выписокъ, включенныхъ въ его *Исторію Государства Россійскаго*. Повидимому, „лѣтопись“ была составлена раѣе „Чертежной книги“ и неодновременно; что доказывается какъ разнообразіемъ содержанія разныхъ ея главъ, такъ различіемъ почерка и вклейками по листамъ. Быть можетъ это обстоятельство служить указаніемъ и на то, что въ составленіи ея принимали въ разное время участіе не только помянутый Ремезовъ Семенъ съ сыновьями, но и дѣдъ послѣднихъ, а его отецъ, и при томъ за время бытности не только въ Tobольскѣ, но и въ Кунгурѣ, почему она и зовется какъ Tobольскою, такъ и Кунгурскою краткою сибирскою лѣтописью. Мы будемъ еще имѣть случай сказать нѣсколько словъ объ этой сборной лѣтописи при подробномъ разсмотрѣніи въ особой главѣ замѣчательнаго труда Ремезовыхъ по составленію географическаго атласа Сибирской земли.

женцами и ногайскою ордою. Наученные неудачами отца своего въ борьбѣ съ русскими, они первое время вели себя чрезвычайно осторожно и не разъ даже засылали въ Тюмень, Тобольскъ и Уфу посланцевъ съ самыми мирными предложеніями; даже младшій изъ братьевъ отданъ былъ при этомъ въ аманаты. Но уже въ 1605 и 1606 г.г. эти мирныя сношенія перешли во враждебныя и царевичи не разъ производили, болѣе или менѣе удачныя набѣги на русско-ясачныя поселенія по Тоболу, Турѣ и Міясу.

Этимъ начались тѣ, тянущіеся чрезъ всё XVII и первую половину XVIII столѣтія набѣги на юго-западную Сибирь (южные уѣзды Тобольской и Пермской губерній и восточныя Оренбургской), которые производились сначала подъ знаменемъ кучумовичей, а потомъ и безъ всякаго знамени и предлога, погайцами, калмыками, башкирами и казачьей ордою (киргизами).

Въ первые годы XVII столѣтія, насколько о томъ можно судить по развѣдкамъ казаковъ и другихъ служилыхъ людей, набѣги производились почти исключительно погайцами: родственные имъ башкиры еще не успѣли сдѣлать имени своего памятнымъ для тогдашнихъ сибиряковъ, почему упоминанія о нихъ мы изрѣдка лишь встрѣчаемъ въ донесеніяхъ сибирскихъ служилыхъ людей того времени; калмыки только-что стали выдвигаться изъ предѣловъ нынѣшней Монголіи въ Кулундинскія, Иртышскія и Ишимскія степи. Вся сѣверо-восточная часть нынѣшней Акмолинской области, Павлодарскій и Каркаралинскій уѣзды Семипалатинской области, представляли сплошныя пустыни, но занятыя никѣмъ. О киргизахъ, нынѣ обитающихъ въ этихъ мѣстностяхъ или „казакахъ“, какъ они долго назывались русскими (и какъ они сами себя именуютъ до сихъ поръ), въ показаніяхъ и донесеніяхъ тогдашнихъ сибирскихъ служилыхъ людей нигдѣ не упоминается; очевидно, ихъ совсѣмъ здѣсь не было.

Болѣе положительныя данныя о киргизахъ или „казачьей ордѣ“ того времени мы встрѣчаемъ лишь въ памятникахъ сношеній самого московскаго правительства съ азіатскими народами. Еще въ 1534 г. посланный въ ногайскую орду Иваномъ Грознымъ слу-

жилый человекъ Данило Губинъ, доносилъ царю: „А Казаки Государь сказываютъ добре сильны, а сказываютъ Государь Ташкенъ воевали и Ташкенскіе царевичи сказываютъ съ ними дважды бились, а казаки ихъ побивали.“ — Въ 1569 году посланный къ тѣмъ-же ногайцамъ Сементъ Мальцевъ писалъ о нападеніи на ногайскіе улусы на Яикѣ „Казацкія орды“ Акъ-Назара царя, Шигая царевича и Челыма царевича. Очевидно, „Казацья орда“ того времени давала себя знать болѣе западу, чѣмъ востоку, хотя и въ западномъ направленіи, она далеко не доходила до тѣхъ границъ, у которыхъ мы ее видимъ теперь. „Книга большаго Чертежа“, составленіе которой относится къ 1600 году, мѣстомъ главныхъ киргизскихъ кочевій указываетъ среднее теченіе рѣки Сыръ-Дарья и мѣстности, лежащія сѣвернѣе ея „на 600 верстѣ“. Между прочимъ въ этой книгѣ мы читаемъ: „А къ Синему (Аральскому) морю отъ Ириза рѣки 280 верстѣ, пески Барсукъ-Кумъ (по нынѣшнимъ картамъ просто — Барсуки); поперегъ того песку 25 верстѣ; да пески Каракумъ, отъ Синева моря 200 верстѣ, пески Каранумъ вдоль 250 верстѣ, а поперегъ 130 верстѣ; а тѣ три пески прилегли къ Синему морю къ берегу.—Въ Синее море съ Востоку пала рѣка Сыръ (Сыръ-Дарья); а въ Сыръ — рѣку пала рѣка Кендерлыкъ¹⁾. А Кендерлыкъ — рѣка вытекла изъ Улутовой (очевидно Улу-Тау) горы двумя протоками. А отъ горы Кендерлику рѣки протоку 330 верстѣ; а другая рѣка Кендерлыкъ изъ тойже горы пала въ рѣку Сарсу (Сары-Су). А рѣка Сарса пала въ озеро не дошедъ до Сыра — рѣки, отъ устья рѣки Кендерлыка 150 верстѣ, а отъ Карачатовой горы (т. е. хребта Кара-Тау) за 70 верстѣ; а вдоль Карачатовой горы 250 верстѣ, а отъ Сыра — рѣки

¹⁾ Нынѣ не существующая; повидимому, западный рукавъ Сары-Су, вливающийся нынѣ въ озеро Тайлакъ-Куль и Тили-Куль, а въ тѣ времена дошедшій и вливавшійся въ Сыръ-Дарью, вѣроятно близъ форта Перовскаго, гдѣ находится занесенное теперь песками начало Яны-Дарьи, старога русла Сыръ-Дарьи служившаго продолженіемъ Кендерлыка или Сары-Су по направленію къ котловинѣ Аральскаго моря.

та гора 80 верст¹⁾. А отъ устья рѣки Кендерлика 150 верстъ съ лѣвой (?) стороны рѣки Сыра городъ Сунакъ (Сузакъ?), противъ Карачатовой горы; а промежъ озера Акбашилы (Аксакаль-Барби или Чалкаръ-Тешизъ?), и рѣки Саукъ²⁾, и озера Анкуль (Акъ-Куль), и по обѣ стороны рѣки Зелекчика (Джиланчикъ, впадающая въ Акъ-Куль), и рѣки Кендерлика (Улькунъ-Кенгиръ) и рѣки Сарсу (Сары-Су) и песковъ Каракумъ (Кара-Кумъ), на тѣхъ мѣстахъ, на 600 верстъ, кочевые Казакскія орды³⁾“.

Въ годъ прихода Ермака въ кучумовскую или Туринско-Тобольско-Ишимскую Сибирь (1582 г.) въ только что названныхъ мѣстахъ древнихъ кочевовъ киргизъ или казачьей орды, происходили событія не меньшей важности; здѣсь разыгралась одна изъ памятныхъ драмъ въ исторіи Средней Азіи:—разгромъ знаменитымъ Бухарскимъ ханомъ *Абдуллою*, при помощи киргизъ, исконнаго своего врага *Баба-Султана*;—или такъ называемый Улутавскій походъ. Преслѣдуя врага по пятамъ, Абдулла доходилъ, по выраженію его панегириста-историка, до „прекраснѣйшаго изъ всѣхъ мѣстъ Дешты-Кипчака“—Улу-Тау; передовые же полки его подъ начальствомъ казакскихъ *Шмай-Хана* и сына его *Тевекель*-султана заходили далеко дальше въ страну Мангитовъ (вогайцевъ), въ верховья р.р. Ишима и Тобола. На рѣкѣ „Саукъ“ произошла рѣшительная битва, въ которой самъ

¹⁾ Упоминаемые здѣсь Кендерлики въ верховьяхъ ихъ, истекающихъ изъ Улу-Тау, несомнѣнно слѣдуетъ принимать за нынѣшнія рѣки: Кара-Кенгиръ Сары-Кенгиръ и Улькунъ-Кенгиръ.

²⁾ На *Ремезовскомъ* чертежѣ „безводной каменной стѣнѣ“, одинъ изъ множества истоковъ Тургай названъ рѣкою Саукъ; по мѣсту его положенія можно думать, что это Кара-Тургай.

³⁾ По вопросу о мѣстѣ первоначальныхъ кочевовъ киргизъ, основываясь на той-же книгѣ Вольшаго Чертежа, существуетъ обстоятельная статья *Махшева*, носящая названіе „Географическія свѣдѣнія книги Вольшаго Чертежа о киргизскихъ стѣняхъ и Туркестанскомъ краѣ“ Зап. Геогр. Общ. т. 6-й, 1879 г. Выводы автора, впрочемъ не вполне сходятся съ только что приведенными, главнымъ образомъ въ опредѣленіи современныхъ названій и мѣстѣ находенія рѣкъ и урочищъ книгъ Вольшаго Чертежа.

См. также *Левшина*—Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей; кн. 2-я. III.

Баба-Султанъ и виднѣйшіе изъ его сторонниковъ погибли, войска-же Бухарскаго хана побѣдоносно возвратились во-свои. Киргизскій ханъ Шигай и его сынъ Тевекель, были осыпаны ханскими милостями, съ предоставленіемъ въ пользованіе ихъ многихъ земель и гор. Туркестана.

Не болѣе какъ хитростью, рассчитанною на незнаніе русскими положенія дѣлъ въ Джиты-Кипчакѣ, слѣдуетъ, послѣ этого, объяснить посольство Тевекеля въ 1594 г. въ Москву съ предложеніемъ яко-бы вступить съ казачьею ордою въ русское подданство, на условіи возврата захваченнаго въ плѣнъ подъ Тобольскомъ племянника его Уразъ-Магомета.

Послѣдующія событія еще болѣе усилили значеніе „казачьей орды“ въ Средней Азійи и передвинули ея интересы отъ нынѣшнихъ киргизскихъ степей еще далѣе къ югу. Послѣ нѣсколькихъ болѣе или менѣе удачныхъ хищническихъ набѣговъ на сѣверныя страны осѣдлаго Турана, Тевекель въ 1598 году (въ годъ окончательнаго пораженія Кучума на Оби), пользуясь тѣмъ, что монархія грознаго Абдуллы послѣ его смерти, вслѣдствіе внутреннихъ междоусобій, стала распадаться на части, съ нѣсколькими мелкими владѣльцами во главѣ, кинулся съ многочисленнымъ войскомъ изъ разныхъ племенъ сѣвернаго Турана и узбековъ, въ самый центръ Средней Азійи, быстро подчинивъ себѣ Ахсы, Андижанъ, Ташкентъ и Самаркандъ. Оставивъ здѣсь брата своего Ишима съ 20,000 человекъ, самъ Тевекель съ 80 т. человекъ двинулся къ самой Бухарѣ, гдѣ въ это время было не болѣе 15 т. войска. Упорное сопротивленіе защитниковъ Бухары, вскорѣ заставило ступить сюда всѣ силы „казаковъ“, которые, простоявъ въ окрестностяхъ Бухары нѣсколько мѣсяцевъ и разграбивъ массу осѣдлыхъ бухарскихъ поселеній, удалились къ Туркестану и Ташкенту, гдѣ они съ этого времени надолго водворяются, живя на счетъ трудолюбиваго покореннаго осѣдлаго народа¹⁾. Занятая было ордою степи Джиты-Кипчака, какъ показано въ кни-

¹⁾ *Вельяминъ-Зерновъ. Исслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, т. 2-й (стр. 297—400). Вилверъ. Исторія Бухары, т. 2-й (стр. 44—45).*

гѣ Большаго Чертежа, съ этого времени надолго остаются почти впустѣ, какъ это мы узнаемъ въ послѣдующихъ главахъ изъ показаній бывавшихъ здѣсь въ XVII столѣтїи сибирскихъ казаковъ.

Немудрено, послѣ этого, что ни въ донесенїяхъ, ни въ распросахъ сибирскихъ служилыхъ людей конца XVI и начала XVII-го столѣтїа, мы нигдѣ не встрѣчаемъ извѣстій о нынѣшнихъ киргизахъ или „казакской ордѣ“. Сибирь и даже нынѣшнія киргизскїя степи, въ то время не интересовали киргизъ; всѣ ихъ интересы сосредоточивались на благодатномъ, густо заселенномъ югѣ. Даже Ногаи съ присоединившимися къ нимъ сибирскими кучумовичами, не смотря на только что потерпѣнное послѣдними вытѣсненїе изъ давно насиженныхъ мѣстъ въ ишимскихъ, тобольскихъ и пртышскихъ степяхъ, присматривались къ дѣламъ юга или Средней Азїи не меньше, чѣмъ къ пустынной Сибири. Ничего невѣроятнаго нѣтъ въ томъ, какъ сказано выше со словъ боярскаго сына Артемьева, что и Кучумъ, явившїйся послѣ Воейковскаго погрома въ Ногаи, не отказался отъ попытки поискать счастья на томъ-же югѣ, во владѣнїяхъ только что распавшагося къ тому времени обширнаго государства Абдуллы. Совершенно вѣроятенъ и другой рассказъ Артемьева о предложенїи пустопорожняго княженїа сыну Кучума Канай-царевичу, мать котораго была бухарскаго владѣтельнаго рода, гдѣ и проживала. Сообщение тобольскихъ и туринскихъ татаръ и ногаевъ съ сѣвернымъ Туркестаномъ и Бухарою (черезъ верховья Тобола, Абуги, Ишима, мимо оз. Кургальджинъ, Улутавскихъ горъ, по рѣкѣ Сары-Су) было издавна проторено. О родственныхъ связяхъ бухарскихъ владѣльцевъ съ владѣльцами ногайскими, киргизъ-казачьими и сибирско-татарскими интересующїеся могутъ найти подробныя свѣдѣнїа въ обстоятельномъ изслѣдованїи Вельяминова-Зернова о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ и позднѣйшихъ статьяхъ г. Оксенова о сибирскомъ царствѣ до эпохи Ермава.

Упомянутое сибирскихъ лѣтописей: Ремезовской о томъ, что Кучумъ пришелъ въ „Сибирь“ — „отъ казачьей орды со многими вои“

и Строгоновской, что онъ явился „изъ степи съ поля“ долго служило доказательствомъ того, что и самъ Кучумъ былъ родомъ киргизъ-казакъ. Это мнѣніе поддерживалъ и извѣстный исторіографъ казачьей орды Левшинъ. Послѣднія болѣе точныя изысканія по этому вопросу убѣждаютъ, однако-же, что помянутыхъ выражений лѣтописцевъ нельзя толковать въ связанномъ смыслѣ. Кучумъ несомнѣнно не былъ „казакомъ“ и если при сверженіи имъ Бекбулата съ княженія на устьѣ Тобола въ Кашлыкѣ, Искерѣ или „Сибири“ и участвовали степные татарскіе „казаки“, то это можетъ служить лишь указаніемъ на то, что въ предъ-кучумовскую эпоху, разбойническія вольныя ватаги всякаго рода средне-азіатскихъ выходцевъ носившія сборное имя „казаковъ“ бродили по Сары-Су, Тургаямъ, Кенгирамъ, въ окрестностяхъ Кургальджина значительно сѣвернѣе тѣхъ мѣстъ, которыя значатся ихъ главнымъ обиталищемъ на „Книгѣ Большаго Чертежа“, съ котораго они, какъ мы выше сказали, въ концѣ XVI столѣтія, увлекаемые открывшеюся обильною добычею въ городахъ сѣвернаго Туркестана, откочевали далѣе на югъ къ Сыръ-Дарьѣ.

Г Л А В А II-я.

РУССКІЕ ВЪ ВЕРХОВЬЯХЪ ТОБОЛА, ИШИМА И ИРТЫША. ЗНАКОМСТВО СЪ
СИБИРСКИМИ НОГАЯМИ И КАЛМЫКАМИ.

Заложеніе города Томска.—Смутное время въ Сибири.—Борьба съ кучумовичами, ногаями и калмыками на Тоболѣ и его притокахъ.—Калмыки на Камышловскихъ оверахъ, и р. Оми.—Первыя развѣдки Иртыша выше Оми и соляныя экспедиціи къ Ямышъ-оверу.

Покончивъ съ Кучумомъ, Московское правительство и сибирскіе воеводы могли считать главнѣйшую задачу подведенія сибирской земли подъ Высокую Царскую руку выполненною, ибо съ уничтоженіемъ главнаго и наиболѣе энергичнаго претендента на занятія ими теперь низовья Обской рѣчной системы и западнаго побережья Ледовитаго океана, упрочивалось спокойное владѣніе тою частью обширной Сибирской страны, которая съ своими изстари знаменитыми богатствами пушнымъ звѣремъ, собственно и составляла конечную цѣль борьбы съ Кучумомъ и прочнаго водворенія здѣсь русскихъ. Южная, степная, скотоводческая и земледѣльческая (въ то время еще не было извѣстно, что она же и рудная) часть этой громадной страны ни правительство, ни вообще русскихъ людей не интересовала и потому, несомнѣнно, что они долго-бы еще держались исключительно звѣроловческаго сѣвера и сѣверо-востока Сибири, если бы не два, главнѣйшимъ образомъ, обстоятельства, понуждавшія ихъ не только не терять изъ вида югъ страны, но и постепенно подвигаться въ этомъ направленіи далѣе и далѣе. Обстоятельства эти были: съ одной стороны оборона южныхъ границъ звѣропромышленной Сибири отъ вторженій южныхъ кочевниковъ-ногаевъ, саянскихъ киргизъ, калмыковъ и казачьей орды, а съ другой—желаніе проложить сухопутныя и торговые пути въ богатія дальнія иновѣрныя страны — Бухару, Индію и Китай. Чередуюсь одно съ другимъ, или же воздѣйствуя совместно, оба эти обстоятельства непрестанно побуждали русскихъ людей проникать на югъ гораздо далѣе того, чѣмъ это требовалось

интересами занятія собственно Сибири, какъ страны всякаго рода пушнины.

Уже вслѣдъ за Ирменскимъ разгромомъ Кучума, въ цѣляхъ удержанія за собою кочевавшей выше Чать „Пѣгой орды“ и охраны отъ объясченія калмыками и саянскими киргизами какъ чатскихъ, такъ и барабинскихъ татаръ, начинается постепенное заложеніе въ этой странѣ командируемыми изъ Сургута казаками русскихъ острожковъ: сначала *Нарымскаго*, затѣмъ *Кетскаго* и наконецъ въ 1604 году въ видѣ крайняго и наиболѣе сильнаго во всемъ этомъ далекомъ краѣ тогдашней Сибири опорнаго пункта *Томскаго* острога, именуемаго теперь городомъ.

Съ первыхъ же дней своего возведенія Томску, обращенному сразу въ резиденцію воеводъ Средне-Обскаго края, суждено было занять видное мѣсто въ ряду другихъ тогдашнихъ приграничныхъ городковъ Сибири. Ему, какъ и Тарѣ, пришлось выдержать наиболѣе сильный напоръ инородцевъ съ юга, что для тогдашней Сибири имѣло тѣмъ большее значеніе, что какъ не отдалена она была отъ своей зауральской метрополи и какъ не труденъ былъ путь отъ Москвы до сѣверныхъ инородческихъ пустынь Сибири и обратно, но охватившая въ началѣ XVII столѣтія всю Русь „смута“ сказалась и въ этомъ далекомъ краѣ. Правда, роль русскихъ людей вообще и служилаго казачества въ сибирской смутѣ была совсѣмъ не та, что по западную сторону Урала, гдѣ „вольное“ „воровское“ казачество открыто стало въ ряды враговъ, Московскаго государства; здѣсь, въ Сибири, волновались, можно сказать, почти исключительно инородцы, вознамѣрившіеся, пользуясь постоянными переменами правительства на Москвѣ и междуцарствіемъ — „быть себѣ царствомъ какъ было при Кучумѣ Царѣ“. Сибирскимъ казакамъ въ смутную эпоху приходилось думать и хлопотать не о своихъ вольностяхъ, а о сбереженіи такъ сказать, собственной шкуры, которой угрожала серьезная опасность отъ поднявшихъ голову инородцевъ. Не о вѣшнихъ, также, приобрѣтеніяхъ думалось и тогдашнимъ здѣшнимъ воеводамъ, а лишь объ отстаиваніи занятыхъ русскими позицій въ новой странѣ, какъ

отъ вѣшнихъ, такъ и отъ внутреннихъ враговъ. Время было трудное. Просматривая даже тѣ немногіе изъ архивныхъ документовъ того времени, которые дошли до насъ, мы то и дѣло наталкиваемся на донесенія, рисующія ненадежность положенія русскихъ въ обширной инородческой странѣ. Въ одномъ, напрямѣрь, мѣстѣ читаемъ показаніе одного служилаго человѣка о томъ, — „что хотять-де Вогуличи въ Сибирскихъ городѣхъ воевать: чѣмъ-де намъ на Русь идти войною, мы и здѣсь воюемъ въ Сибирскихъ городѣхъ . . .“¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ читаемъ—воеводы жалуются на недостатокъ служилыхъ людей, такъ какъ — „служивые люди по городамъ въ разсылкѣ въ Мангазеѣ и въ Сургутѣ для *измѣннаго дѣла*“; въ третьемъ документѣ повѣствуется какъ казаки, вѣдучи за сборомъ ясака, находятъ у Сосвинскихъ остяковъ стрѣлу, — „а на стрѣлѣ нарѣзаны одиннадцать шайтановъ и поперегъ шайтановъ рѣзано-жь“. Стрѣла эта, какъ оказалось на допросѣ, разсыпалась изъ конца въ конецъ отъ однихъ инородцевъ къ другимъ, какъ символъ призыва ихъ къ борьбѣ съ русскими (шайтанами перерѣзанными на стрѣлѣ пополамъ); въ четвертомъ мѣстѣ читаемъ челобитную Березовскихъ казаковъ о пожалованіи ихъ за то, что они два мѣсяца отсиживались въ своемъ острѣжкѣ отъ окружившихъ его со всѣхъ сторонъ „въ великомъ множествѣ“ инородцевъ, ровъ копали и во рву острогъ ставили и городъ крѣпили и Божію милостію отсиживались, многихъ воровъ перенимали и т. д. и т. д. И не одному Березову въ то время приходилось, будучи въ осадѣ, отсиживаться и „быть въ великомъ береженіи“; отсиживались и гонялись за измѣнниками Кетскіе казаки въ 1605 году; Сургутскіе въ 1606 году; въ 1609 году татары, вогулы и остяки пытались разрушить Тюмень; въ 1612 году Вогулы осаждали и поджигали Пелымъ. Даже самъ, такъ сказать, стольный Тобольскъ не разъ былъ въ большой опасности. Нечего говорить уже о такихъ окраинныхъ городкахъ, какъ Томскъ и Тара, гдѣ приходилось биться какъ съ внутренними, такъ и съ вѣшними врагами.

¹⁾ Русская историческая Библіотека т. 2-й 1875 года № 100 столб. 285.

Первыми воспользовались затруднительностью положенія смутнаго времени, какъ и слѣдовало ожидать, кучумовичи съ поддерживавшими ихъ татарами или ногаями разныхъ наименованій, а затѣмъ присоединившимися къ нимъ калмыками, все болѣе и болѣе подвигавшимися съ юга къ сѣверу нынѣшнихъ Акмолинской и Тургайской областей и Томской губерніи. Изъ показаній командированныхъ для развѣдокъ изъ Тобольска, Тюмени и Уфы служившихъ людей, видно, что въ первые года XVII столѣтія Кучумовы дѣти держались все болѣе верховьевъ р. Тобола и его притоковъ, откуда и производили болѣе или менѣе частые набѣги на подчинившихся русской власти Тюменскихъ татаръ. Старшій, унаслѣдовавшій титулъ царя или хана, Алей кочевалъ совмѣстно съ тестемъ своимъ ногайскимъ княземъ Урусомъ сѣвернѣе впаденія въ эту рѣку лѣваго ея притока Уя (т. е. частью въ нынѣшнемъ Челябинскомъ уѣздѣ Оренбургской губерніи и частью въ Курганскомъ округѣ Тобольской губерніи); Канай и Азимъ (Азій) южнѣе въ верховьяхъ праваго притока Тобола Абуги совмѣстно съ Табынцами, поддерживавшими этихъ кучумовичей. Табынцы, по показаніямъ тѣхъ-же служившихъ людей, были собственно Башкиры, составлявшіе одну или нѣсколько волостей, подвѣдомыхъ сибирскимъ ханамъ-царямъ. По словамъ упомянутаго въ первой главѣ боярскаго сына Гаврилы Артемьева, во время бытности его въ 1601 году, въ посольствѣ къ Кучумовымъ дѣтямъ, въ Каратабынскую башкирскую волость — „пришли двадцать семей башкирцевъ, съ женами и съ дѣтьми; а бывали-де онѣ прежь сего тое-жъ Каратабынскіе волости есаинне-же башкиры *были съ Кучумомъ*“¹⁾. Последнѣе показаніе служить косвеннымъ подтвержденіемъ приводимаго въ извѣстномъ трудѣ Рычкова²⁾, показанія башкирскаго старшины Алдара, что „*башкирскій народъ изстари былъ одинъ съ ногайцами и жилъ около сибирскихъ границъ, гдѣ они отъ сибирскихъ хановъ великія раззоренія претерпѣвать принуждены*“ — вслѣдствіе чего часть ихъ, снявшись съ своихъ мѣстъ, ушла на Яикъ, Каму и

¹⁾ Русская историческая бібліотека т. 2-я ст. 24.

²⁾ Топографія Оренбургская. С.-ПБ. 1762 г. ч. 1-я стр. 80—81.

Волгу и только часть —, еще будучи подъ именемъ погаевъ¹⁾ осталась на прежнихъ мѣстахъ жительства, получивши отъ ушедшихъ погайцовъ ругательное прозвище „Башкуртъ“, то есть главный волкъ или воръ²⁾. Въ такомъ состояніи достались они сначала Казанскимъ и Сибирскимъ ханамъ, раззорившимъ ихъ въ конецъ, а затѣмъ приняли подданство русскихъ. Участіе Табынскихъ волостей въ борьбѣ Кучума и его дѣтей съ русскими показываетъ, что и въ началѣ XVII столѣтія башкирцы еще не вполне освободились отъ владычества даже павшихъ сибирскихъ хановъ. Даже въ 1623 году, какъ видно изъ показаній одного служилаго татарина, младшій сынъ Кучума царя, Ишимъ, кочевавшій на р. Уи, ходилъ въ Уфимскія волости —, старыхъ своихъ людей Табынцовъ сыскивати²⁾.

Судя по немногимъ дошедшимъ до насъ отрывочнымъ цифровымъ даннымъ, нужно думать, численность сосредоточившагося къ тому времени на Тоболѣ съ его верхними притоками татарско-погайско-башкирскаго населенія, была еще болѣе ничтожна, чѣмъ населенность только что разсѣяннаго русскими сибирско-татарскаго царства по Иртышу, Ишиму, Оми и въ Барабѣ. Тобольскимъ, Тюменскимъ и Тарскимъ служилымъ посланцамъ нашимъ и казачьимъ небольшимъ партіямъ, розыскивавшимъ и гонявшимся за кучумовичами и ихъ сторонниками, приходилось по цѣлымъ недѣлямъ рыскать не вида ни одного человѣка и проходить по нѣскольку сотъ верстъ чтобы то тамъ, то здѣсь натолкнуться на жильѣ или проѣзжихъ. При этомъ показывалось, что, напримѣръ, Канай и Азимъ царевичи расположились зимовать въ верховьяхъ Абуги въ дубравѣ, всего со 150-ю табынцами, а ло-

¹⁾ Если переводъ названія «башкиръ» совсѣмъ необходимымъ для срочнаго чело-
вѣка прозвищемъ «главный волкъ» или «воръ» не есть излишняя, а быть
можетъ и цензурная скромность Рычкова, то слово это вѣрнѣе перевести бо-
лѣе обиднымъ словомъ — башъ — голова, кыръ — дѣтородный членъ. Тогда вый-
детъ названіе башкиръ, однопозначуще съ ругавью — «членова голова» или «чле-
ноголовый».

²⁾ Какъ извѣстно Табынскія волости и до сихъ поръ существуютъ въ Баш-
киріи; точно также какъ часть сибирскихъ Тюменскихъ татаръ (погаевъ),
долго составляли особую Башкирскую волость.

шади у нихъ ходять отъ зимовья въ поднищѣ; Алей ханъ расположился на Тоболѣ ниже впаденія Абугана съ немногими татарами и зырянцами, численностью всего въ 300 душъ; тесть его Урусъ стоитъ на Уѣ и Тагизакѣ съ „великими силами“ въ 500 душъ, а по другимъ въ 700 душъ, ногайцевъ и башкирцевъ Уфимскаго или Бѣло-воложскаго края; братъ Уруса Казій съ дѣтьми и прочими ногайскими силами до 7000 душъ кочуетъ въ странѣ по верховьямъ Яика, Уя, Исети и Міаса. Вотъ и все. Замѣчательно, что занимая со столь ничтожнымъ населеніемъ пространство болѣе чѣмъ въ 250/т. квадратныхъ верстъ въ сѣверо-западной Сибири, гдѣ теперь ютится двухмилліонное населеніе, тогдашніе сибирскіе кочевники считали свое экономическое положеніе до крайности стѣсненнымъ и, напримѣръ, Алей и Канай съ Азимомъ, имѣя при себѣ, какъ сказано, до 500 душъ, кочевали и зимовали порознь „для того, что имъ живучи вмѣстѣ прокормица не чѣмъ“; мало того: они вынужденными находились время отъ времени посылать къ бывшимъ своимъ данникамъ башкирамъ вѣрныхъ улусныхъ людей — „просить у башкирцевъ одежды и кормы“ — какъ о томъ писалъ посланный для развѣдокъ боярскій сынъ Артѣмьевъ¹⁾.

Находясь въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, кучумовичи, конечно, не могли сколько либо серьезно думать объ отпущеніи русскимъ за отцовскій разгромъ и хотя въ Тюмени и Тобольскѣ то и дѣло получались вѣсти о сборахъ ихъ напасть съ большими силами на Тюмень, тѣмъ не менѣе нападеній сколько либо значительныхъ не было и первыя пять лѣтъ новаго столѣтія прошли лишь въ угрозахъ съ одной стороны и „непрестанномъ береженіи отъ прихода воинскихъ людей“ съ другой, да въ посылкахъ развѣдчиковъ и посланцевъ для переговоровъ съ обѣихъ, пока съ юго-востока къ кучумовичамъ не подошло совершенно неожиданное подкрѣпленіе въ видѣ скопищъ *калмыковъ*.

Мы уже ранѣе изъ донесеній Тарскаго воеводы Воейкова, съ пути въ поискахъ за Кучумомъ, видѣли, что всего въ двухъ дни-

¹⁾ Русская Историческая бібліотека т. 2-й ст. 99.

щахъ отъ мѣста послѣдняго побойща съ Кучумомъ на Оби, въ 1598 году расположились пришедшіе съ юга калмыки въ пяти тысячахъ душъ. Не ограничившись занятіемъ этихъ мѣсть, они, тѣснимые съ одной стороны Алтынъ-ханомъ монгольскимъ, а съ другой обуреваемые междоусобіями, съ всё болѣе и болѣе прибывающими силами, родъ за родомъ стали подвигаться къ сѣверу и сѣверо-западу нынѣшнихъ Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской областей и Барабы.

Въ 1606 году впервые Тарскій воевода Сила Гагаринъ донесъ о появленіи калмыковъ въ Тарскомъ уѣздѣ. Съ этого года улусы ихъ одинъ за другимъ появляются на Оми, по Камышлову, на Ишимѣ и Тоболѣ. Безсильные въ противодѣйствіи столь могучему переселенческому потоку, ногаи съ уцѣлѣвшими отъ русскаго разгрома кучумовичами частью передвигаются еще далѣе на сѣверо-западъ, въ верховья Яика и южные отроги Уральскаго хребта, къ Общему-Сырту, частью присоединяются къ пришельцамъ и общими съ послѣдними силами начинаютъ тѣснить, какъ подвластныхъ русскихъ ясачныхъ инородцевъ, такъ отчасти и самихъ русскихъ, особенно подъ Тарою и Тюменью. Русскіе въ свою очередь, ясно сознавая съ одной стороны свою крайнюю малочисленность, а съ другой неустойчивость положенія, вспомнившихъ о Кучумѣ царѣ сѣверныхъ инородцевъ, находившихся по отношенію къ южному фронту дѣйствій русскихъ въ тылу, дѣйствуютъ чрезвычайно осторожно, высылая на встрѣчу неожиданнымъ пришельцамъ, смотря по обстоятельствамъ, то развѣдчиковъ, то посланцевъ, то вооруженные отряды. Развѣдчики—казацкіе атаманы и боярскіе дѣти, доносили, что калмацкіе люди, большіе и малые тайши „идуть съ старшихъ кочевницъ отъ Алтынновыхъ людей и мугальцевъ (монголовъ); а козуютъ-де тѣ Алтынновы люди у Иртышскихъ у солянныхъ озеръ; а калмацкіе тайши съ своими улусными людьми на Камышловѣ *рѣкѣ* что „промежъ Иртыша и Ишима и тутъ-де у нихъ скотъ и животъ“ и между Омью и Чаны озеромъ, и на Ишимѣ и на Абугѣ¹⁾, гдѣ передъ этимъ, какъ мы видѣли, только

¹⁾ Донесеніе Тюменскихъ воеводъ Михайлы Долгорукаго и Юрья Редрикова.

что кочевали ногаи. А калмыцкій-де большой тайша Каракула ходилъ „къ Алтыну Царю войной, а людей съ нимъ ходило 4 т. и улусъ-де у Алтына Царя повоювалъ и полону взялъ много, и взявъ-де пошелъ назадъ; и Алтынъ-де Царь послалъ на переемъ къ тому Каракулѣ тайшѣ 4 т. людей и 3 т. сзадѣ, и у тайши де Каракулы людей всѣхъ побилъ и Каракула ушелъ съ сыномъ¹⁾... Что Ишимъ-де Царевичъ вмѣстѣ съ калмацкими тайшами (породнившись съ однимъ изъ послѣднихъ), кочуетъ на Ишимѣ. А наряжаются-де они вновь войною на Мугальскихъ людей, а жонъ и дѣтей своихъ и скоть и жевоть отылаютъ на Камышловѣ.— Пахваляется-де Ишимъ-царевичъ, что-де и русскіе городки отъ нихъ не уйдутъ, что „Сибирскіе-де казаки отца его Кучума извели, а братья его Алея и Азія раззорили и ему-де Ишиму приходить за то на государевы города войною²⁾“ и т. д.

Русскіе посланцы въ отвѣтъ на то говорили тайшамъ и царевичамъ царское жалованное слово: „чтобы тѣмъ тайшамъ быти подъ Его царскою рукою, и на государевой-бы землѣ тайшамъ не кочевати, царскихъ вотчинъ на Оми и Камышловѣ не зорити; на государевы волости войною не приходити и на звѣровьи звѣровщиковъ не побивати, не грабити, и тайшамъ-бы на томъ Государю шертъ держати по своей вѣрѣ.³⁾“ А тайши Бобуга да Казенекъ, да Каназаръ имъ отвѣчали: „мы тайши кочуемъ на своей землѣ, а не на Государевѣ, а подъ Государевой рукою мы не хотимъ быти, хотимъ-де съ Государевыми людьми воевати“ и т. д. И или то подъ Тюменъ, то подъ Тару. А русскіе люди въ свою очередь гонялись за кучумовичами, ногайцами и калмыками. Известно, напримѣръ, что при Тобольскомъ воеводѣ Матвѣѣ Годуновѣ учинено было два похода: одинъ подъ начальствомъ казачьяго атамана дружины Юрьеса въ мартѣ 1607 г. послѣ разграбленія кучумовичами Кыштырскаго городка, а другой подъ начальствомъ головы Назаря Изединова въ іюлѣ того-же года на

¹⁾ Показанія коннаго казака Кузѣмки Толмачева. Русск. Ист. Библ. т. 2-й.

²⁾ Показанія служилаго человека Васьки Трубачева.

³⁾ Донесеніе боярскаго сына Дмитрія Черкасова съ спутниками казаками Лаваремъ Васильевымъ и Офоньей Тобольскимъ.

Ишимъ, въ то время какъ царевичъ Алей съ братомъ Азіемъ громили тарскихъ ясачныхъ инородцевъ, причемъ Изединовымъ захвачены на становищѣ близъ лѣса *Шамы-Карагай* Алеева мать, жена его съ двумя сыновьями, двѣ жены Азимовы съ дочерьми и др. знатные полоненники. Извѣщенные о нападеніи, царевичи, оставивъ Тару, быстро кинулись въ погоню за Изединовымъ, но безуспѣшно; плѣнники привезены были въ Тюмень и въ слѣдующемъ году отправлены въ Москву, кружнымъ путемъ на Вологду и Новгородъ, такъ какъ прямое сообщеніе съ столицей, окруженною поляками и сторонниками втораго же-Димитрія, было прервано. Изъ Новгорода плѣнники съ войсками князя Скопина-Шуйскаго, были доставлены въ Москву¹⁾.

Меся за похищеніе семействъ своихъ родственниковъ, отецъ плѣнной Алеевой жены, помянутый выше не разъ, ногайскій мурза Урусъ съ сторонниками также кинулся подъ Тюмень и не доходя до нея всего 20-ти верстъ на Пышмѣ разграбилъ всѣ русскія и инородческія ясачныя поселенія. Затворившіеся въ началѣ въ Тюменскомъ острогѣ русскіе служилые люди, убѣдившись, что силы Уруса не такъ велики, какъ предполагалось въ началѣ, вышли изъ острога и подъ начальствомъ атамана Дружины *Юрвева* погнались за грабителями; настигли ихъ за Исетью, побили и возвратили полонъ²⁾.

Въ то время, какъ Тюмень отбивалась отъ Ногаевъ, поддерживавшихъ сыновей и внуковъ знаменитаго Сибирскаго царя-Кучума, а Тобольскъ, Березовъ, Пелымъ, Мангазея и другіе сѣверные города усмиряли вогуличей, пелымцевъ и остяковъ, Тара выдерживала главный напоръ калмыковъ, родъ за родомъ, и улусъ за улусомъ занимавшихъ признаваемые русскими урочища по Камышлову, Оми и Иртышу сѣвернѣе Омскаго устья.

Мирные переговоры объ отступленіи калмыковъ дальше отъ занятыхъ русскими мѣстъ ни къ чему не привели и изъ Тары прии-

¹⁾ Донесенія и показанія многихъ атамановъ и проч. служилыхъ людей, рекомандованныхъ и въ Сибирскихъ Исторіяхъ Миллера и Фишера.

²⁾ Сиб. Ист. Миллера т. 2-й. Ежемѣсичн. сочан. къ пользаѣ и увес. служ. С.-ПВ. 1755 г.

лось командировать для отгона калмыковъ воинскія команды. На самой Оми въ двухъ дняхъ отъ ея устья устроенъ постоянный такъ называемый Барабинскій караулъ, изъ тобольскихъ и тарскихъ казаковъ, наряжавшихся туда погодно. На правомъ русскомъ берегу, по одному изъ позднѣйшихъ калмыцкихъ показаній нашему посланцу Угрюмову, въ видѣ граничнаго знака вырѣзанъ былъ даже на одномъ изъ отдѣльно стоящихъ деревьевъ воинъ на лошади въ полномъ вооруженіи¹⁾.

Но ни этотъ воинъ, ни Барабинскій острожекъ на Оми, ни малолюдные воинскіе поиски за хищниками, ни посольскіе переговоры, какъ оказалось, не могли привести къ полюбовному разграниченію русскихъ сѣверянъ съ калмыками-южанами. Въ 1611 году послѣдніе, почувствовавъ за собою силу, дошли даже до того, что не пропустили въ степь русскія мелкія команды, шедшія на озера для добычи соли въ потребность населенія г.г. Тары, Тобольска и др.

Пришлось прибѣгнуть къ посылкѣ болѣе значительныхъ соляныхъ отрядовъ. Въ 1613 г. первая такая большая команда въ нѣсколько сотъ человекъ тарскихъ, тобольскихъ и тюменскихъ казаковъ была сформирована подъ начальствомъ ротмистра—казацкаго атамана Бартана *Станиславова* и благополучно прослѣдовала на досчаникахъ вверхъ по Иртышу до самаго оз. Ямышъ, 400 верстъ южнѣе устья р. Оми и нагрузившись солью, такимъ же порядкомъ возвратилась въ Тару. Съ этого времени подобныя же экспедиціи стали снаряжаться на Ямышъ почти ежегодно, хотя и нельзя сказать, чтобы всегда съ столь-же хорошими результатами. Въ одинъ разъ эти воинскія экспедиціи, сопровождаемыя обыкновенно и торговыми людьми изъ русскихъ и бухарцевъ, встрѣчались весьма дружелюбно: калмыки помогали русскимъ въ выломкѣ соли; открывали торгъ или обмѣнъ русскихъ произведеній на произведенія кочевниковъ; но въ иной разъ кончались и открытыми вооруженными столкновениями. Бывали случаи, что русскіе совсѣмъ уходили безъ соли.

¹⁾ Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ. Дѣло о посольствѣ Угрюмова.

Особенно яркими противниками всяких дружеских сношений съ русскими были кучумовичи (сыновья и внуки бывшего Царя Сибирскаго), которые, породнившись съ калмыцкими тайшами, и здѣсь, на Иртышѣ, подобно тому, какъ мы видѣли на Ишимѣ и Тоболѣ, будировали противъ исконныхъ враговъ своего знаменитаго дѣда. Такимъ образомъ начатые тайшами Батотуромъ, Орлекомъ и Тургенеюмъ въ 1615 г. переговоры о мирѣ съ русскими, окончились ничѣмъ благодаря вмѣшательству извѣстнаго царевича Ишима, который, кочуя въ это время около Семи Палатъ (близъ нынѣшняго города Семипалатинска), и принявъ послѣ смерти старшаго своего брата Алея, титулъ Сибирскаго Царя, не постѣснился въ сношеніяхъ съ нашими служилыми посланцами прибѣгнуть къ обычной коварной измѣнѣ, имѣвшей для этихъ посланцевъ самая печальныя послѣдствія.

Чтобы наказать предателей, въ 1618 году съ нашей стороны, подъ начальствомъ Алексѣя Вельяминова Воронцова, снаряжена была въ степь серьезная военная экспедиція, закончившаяся еяльнимъ пораженіемъ названнаго Царя и его сторонниковъ гдѣ-то въ верховьяхъ р. Ишима. Въ числѣ богатой добычи захвачено было болѣе 70-ти навьюченныхъ всякимъ добромъ верблюдовъ, часть которыхъ осталась въ Тарѣ, а часть (большая) черезъ Тобольскъ была въ качествѣ рѣдкостныхъ трофеевъ, доставлена ко двору въ Москву¹⁾.

Съ этого времени мысль о включеніи озера Ямышъ въ районъ безспорныхъ и постоянныхъ русскихъ владѣній вверхъ по Иртышу, дѣлается постоянною; особенно послѣ того, какъ въ 1624 г. начальникомъ соляной экспедиціи къ Ямышу, тобольскимъ казачьимъ атаманомъ *Грозою Ивановымъ* совместно съ товарищемъ его, уже не разъ упомянутымъ выше, боярскимъ сыномъ *Дмитріемъ Черкасовымъ*, были привезены въ Тобольскъ образцы наломаннаго въ 30-ти верстахъ къ югу отъ Ямышева (вблизи нынѣшняго казачьяго поселка на Иртышѣ Лебяженскаго) *алебастра*, принятаго въ первое время за слюду.

¹⁾ Фискаль. Сиб. Ист. кн. 2, стд. втор.

Какъ только о такой находкѣ было получено извѣстіе въ Москвѣ, такъ немедленно-же присланъ въ Тобольскъ приказъ добыть той „слюды“ еще и доподлинно провѣдать, нельзя ли въ тѣхъ мѣстахъ построить русскій острожекъ для охраны солянаго озера и другихъ мѣстныхъ богатствъ, буде таковыя откроются.

Исполненіе этого порученія возложено было на тѣхъ-же атамана *Грозу Иванова* съ *Черкасовымъ*, которые въ 1626 году между прочимъ писали, что они-де „прѣхавъ къ соляному озеру Ямышу развѣзжали и разсматривали у озера по обѣ стороны и по Иртышу вверхъ и внизъ мочно-ли у того озера Ямыша острогъ поставить чтобъ былъ у крѣпостей и чтобъ было угодно и пашни и сѣнные покосы и лѣса и рыбныя ловли къ тому острогу были близко или не близко и въ колькихъ верстахъ и мочно-ли тѣ пашни государевымъ людямъ, которые въ томъ острогѣ будутъ пахать и сѣна косить и лѣсъ сѣчи и рыбныя ловли ловить, и не будутъ-ли отъ калмацкихъ людей государевымъ людямъ какіе тѣсноты и порухи, и съ калмацкими людьми мочно-ли будетъ торговати и какіе товары“. Таковъ былъ данъ имъ наказъ свыше.

Сдѣлаемъ нѣсколько выдержекъ изъ этого любопытнаго донесенія атамана *Грозы Иванова* съ его товарищемъ. Вотъ что, на примѣръ, писали наши развѣдчики объ окрестностяхъ оз. Ямыша. „А около озера солянаго и прѣснаго прилегла степь, чистое мѣсто, земля, песокъ, а трава на степи растетъ типецъ, не велика въ вершокъ. А противъ солянаго пристанища за рѣкою займище, а за займищемъ протока, а за протокою степь, чистое мѣсто, а земля песокъ а трава тоже типецъ. А займище вверхъ по Иртышу лѣсныхъ мѣстъ въ лодкѣ ѣхать два днища; а внизъ по Иртышу займище лѣсныхъ мѣстъ по обѣ стороны много; а лѣсъ въ займищахъ топольникъ, а много никакого лѣсу нѣту“ — и т. д.

„А сѣнныхъ Государь покосовъ опрочъ займищъ нѣтъ; а по займищамъ и по лѣсомъ, по край рѣки межъ таловъ и межъ топольнику и ветельнику травы добыть мочно и то не на великъ скотъ...“.

Про пашни писалось: „А пашни пахати у соленого озера и

вверхъ по Иртышу по обѣ стороны Иртыша отнудъ нельзя, и хлѣбъ не родится, потому что земля песокъ и трава не растетъ; а внизъ по Иртышу пахотныхъ мѣстъ черной земли до Оми рѣки нѣту; а отъ Оми рѣки ходу до соленого пристанища большими судами вверхъ по Иртышу 4 недѣли“ и т. д.

— „А рыбной ловли въ рѣкѣ въ Иртышѣ и въ прѣсномъ озерѣ что близъ Ямыша озера мочно быть; въ томъ государевымъ людямъ нужи не будетъ, только-бы калмацкіе люди не учили какой тѣсноты“.

— „А калмацкіе торги будутъ-ли и прибыль Его Царскому Величеству будетъ-ли, про то невѣдомо, потому что съ волнами не по вся годы ни ходячи въ Ямышу озеру выдаемъ и торгуемъ, и калмацкіе люди приносятъ продавать лисиченки красныя польскіе, и бобринка и корсаки, и овчины и тулупы овчинныя, а большаго того рухляда не многая; а большаго товаровъ никакихъ нѣту, только продаютъ много лошадей и рогатаго скота; а купя лошади рогатый скотъ въ городе проводить страшно, отъ нихъ же отъ калмацкихъ людей. А только-бы острогу у Ямыша озера будетъ надобно, людей надобъ въ томъ острогѣ съ военнымъ оружіемъ съ пять сотъ человекъ, и нарядъ (пушки) съ ними надобно-жъ, потому что около Ямыша озера кочуютъ калмацкіе люди многіе и обереганіе отъ нихъ держати надобно“¹⁾.

При сказкѣ Грозы Иванова и Черкасова приложены были особа *чертежи и росписи*, до насъ, повидимому, не дошедшіе или теперь утраченныя.

Донесеніе атамана Грозы Иванова по полученіи въ Москвѣ было тщательно разсмотрѣно, соображено и доложено Государю Михаилу Ѳеодоровичу. О результатѣ этого доклада, на оборотной сторонѣ воеводскаго донесенія по сему написано: „Государь слушалъ и указалъ писать въ Tobольскъ жъ воеводамъ: по тому ихъ высмотру и по допросу острогу жилого у соленого озера ставить не велѣлъ, потому что они пишутъ о тѣхъ мѣстахъ пашенныхъ мѣстъ нѣтъ, и пашни завести и хлѣба на служилыхъ и на жи-

¹⁾ Русск. Историч. библиот. т. 8-й.

лецихъ людей напахать негдѣ и всякихъ угодій мало и лѣсу хорошаго нѣту, и съ калмацкими людьми торгу чаять небольшого и въ томъ острогѣ прибыли чаять мало. И они-бъ воеводы впредь посылали по вся годы, на Ямышъ озеро ратныхъ людей и судовъ по соль передъ прежними годы съ прибавкою, чтобъ соли нагрѣвать предъ прежнимъ съ прибылью и промышлять о томъ, смотря по тамошнему дѣлу какъ-бы Государю было лучше и прибыльнѣе“.

Такъ и было исполнено; мысль о возведеніи острога на Ямышъ озерѣ временно оставлена, а составъ соляныхъ экспедицій усиленъ. Но при этомъ сильнѣе чѣмъ до сего времени выяснилось и неудобство столь дальнихъ ежегодныхъ плаваній, безъ какого-бы то ни было промежуточнаго между Тарою и Ямышевомъ опорнаго пункта и базиса для склада всякаго рода запасовъ, на случай зимованія и вообще обезпеченія сношеній съ столь отдаленнымъ пунктомъ. Возникла мысль объ устройствѣ передоваго для всей при-Иртышской степи, опорнаго пункта или острожка при устьи Оми, въ мѣстности, за которою уже давно было признано, выражаясь по современному, стратегическое значеніе въ смыслѣ узла для всевозможныхъ начинаній, какъ для защиты, такъ и нападеній.

Въ 1628 году, въ виду неоднократныхъ нападеній калмыковъ на ясачныя тарскія волости и выяснившейся безуспѣшности погони за ними отъ самой Тары, тамошніе воеводы Шаховской и Кайсаровъ, били Государю челомъ, что впредь для государевыхъ непослушниковъ калмацкихъ людей, безъ острожку вверхъ по Иртышу быти не мочно и рекомендовали для этого устье Оми, „гдѣ у калмацкихъ людей черезъ Иртышъ перевозъ“—и всякихъ угодій довольно и нашенныхъ людей устроить можно и на подмогу тѣмъ, что ходятъ ежегодно на Ямышъ озеро, ратныхъ людей и запасы содержать тоже можно.

Въ Москвѣ къ этому послѣднему предложенію отнеслись чрезвычайно сочувственно, особенно послѣ того, какъ посланные туда съ Тары казачій голова *Назарій Жадовскій* и конные казаки Безсонко *Учужниковъ* съ товарищами заявили, что „на устьѣ рѣки Оми острогъ поставить мочно, мѣсто хорошо и лѣсу близко

много" — что „только-де на томъ Омскомъ устьѣ острогъ поставивши, изъ того-де острогу оберегати наши ясачныя волости мочно и перевозъ черезъ Иртышъ на Омскомъ устьѣ у калмацкихъ людей отняти мочно и ясачнымъ людямъ будетъ береженъе великое отъ калмацкихъ людей“; что поставивши острогъ на устьѣ Оми, можно будетъ снять другой, имѣющійся на Оми Барабинскій острожекъ, служба въ которомъ затруднительна и сношеніе съ нимъ не всегда возможно.

Въ царскомъ указѣ тобольскимъ главнымъ воеводамъ, по поводу представленія Шаховскаго и Кайсарова, данномъ 31 августа 1628 года, наказано;— по тщательной провѣркѣ тарскими воеводами и казаками, поставить на Омскомъ устьѣ острогъ—. А какъ служилые люди тотъ острогъ поставятъ и крѣпостями укрѣпятъ и вы-бъ на Омское устье на пашню велѣли послать крестьянъ изъ пашенныхъ изъ ближнихъ городовъ, откуда пригоже, что-бъ пашни завести, а сѣмена велѣти послати изъ Tobольска или откуда будетъ ближе.

Къ сожалѣнію, этому благому указу Царя Михаила Феодоровича съ его разумно намѣченною колонизаціею средняго Иртыша, не суждено было осуществиться ранѣе какъ черезъ 88 лѣтъ, при ввукѣ его Петръ I-мъ и при томъ далеко не на тѣхъ рациональныхъ началахъ, какъ предполагалось въ 1628 году. Возникшія въ 1629 году и въ послѣдующіе года, волненія въ средѣ калмыковъ и нашихъ пограничныхъ ясачныхъ народовъ, тягавшихся съесть самую Тару (какъ о томъ будетъ подробно сказано въ послѣдующихъ главахъ), а затѣмъ возникновеніе сильнаго Джунгарскаго царства, поставившаго себѣ сѣверною гранью ту-же рѣку Омь, вынудили тобольскихъ и тарскихъ воеводъ отложить заложеніе острога при Оми на неопредѣленное время. Но мысль о необходимости такого предпріятія, какъ оказывается, съ того времени уже никогда не покидала мѣстныхъ сибирскія власти, до самаго осуществленія его въ дѣйствительности въ 1716 году. На извѣстномъ Ремезовскомъ чертежѣ сибирской земли мы еще въ концѣ XVII столѣтія видимъ отмѣтку противъ того мѣста, гдѣ

теперь стоит городъ Омскъ: „Край калмыцкой степи пристойно вновь быти городу“.

Останавливаясь пока на этомъ въ изложеніи историческаго хода сношеній, поисковъ и развѣдокъ, въ сѣверной части нынѣшней Акмолинской области, попытаемся въ заключеніе главы сдѣлать изъ произведенныхъ при этомъ отрывочныхъ замѣтокъ и наблюдений тогдашнихъ служилыхъ людей, краткое историко-географическое обобщеніе.

По гидрографіи сказаннаго района, нельзя не отмѣтить единогласныхъ ссылокъ на существованіе вливавшейся въ р. Иртышъ почти какъ разъ противъ устья р. Оми съ другой стороны значительной рѣки Камышлова, на которой въ началѣ XVII столѣтія обитали и кормились „весь скотъ и животь“ вновь придвинувшихся къ звѣроловческой Сибири гостей изъ Монголіи калмыковъ; рѣки, очевидно по качеству своихъ водъ и пріволью окружающихъ ее тучныхъ пастбищъ, представлявшей всё условія, если не для осѣдой, то для кочевой жизни. По Ремезовскому чертежу сибирской земли рѣка Камышловъ, беря начало въ глубинахъ степей „изъ многихъ озеръ“, текла сначала на с.-в. вдоль Ишима, недалеко отъ краснаго яра поворачивала на востокъ и, пересѣвши всю степь между Ишимомъ и Иртышомъ, вливалась въ послѣдній съ лѣвой стороны почти противъ устья Оми. Въ настоящее время, какъ извѣстно, рѣка Камышлова, въ томъ видѣ какъ она описывалась казаками, посѣщавшими ее въ началѣ XVII в. и какъ она обозначена на картѣ Ремезова, уже нѣтъ. Между Иртышемъ и Ишимомъ, отъ Омска до Петропавловска, теперь тянется цѣпь большою частью негодныхъ къ питью горько-соленыхъ озеръ, соединенныхъ между собою протоками, зачастую совершенно пересыхающими въ лѣтнюю пору; соединенія этихъ озеръ съ системою большихъ Бокчетавскихъ озеръ не существуетъ. Несомнѣнно, однако-же, что въ рассматриваемую нами эпоху, на мѣстѣ сказанныхъ озеръ существовала рѣка; рѣка, при томъ весьма вѣроятно, настолько прѣсная, что была вполне пригодна для того, чтобы при ней обитали калмыцкіи „скотъ и животь“;

рѣка, бравшая начало изъ группы большихъ Кокчетавскихъ, горныхъ, боровыхъ озеръ— Чалкаръ, Аиртавъ, Имантавъ и др., какъ известно, и до настоящаго времени, болѣе или менѣе, явственно соединенныхъ между собою видимыми и невидимыми протоками, логами наполненными мелкими озерками, мочепиками и болотцами. Изслѣдованія ложбины Камышлова, произведенныя по почину мѣстнаго казачьяго начальства въ 1865 и 1867 годахъ, какъ нельзя болѣе подтверждаютъ основательность такого предположенія. По развѣдкамъ войсковаго старшины *Иванова* и нивелировкѣ Капитана военныхъ топографовъ *Захарова*¹⁾, оказывается, что не только въ предшествующіе два столѣтія нашего знакомства съ означенною мѣстностью, но даже въ началѣ текущаго, всѣ камышовскія озера имѣли непрерывный и постоянный стокъ въ Иртышъ; стокъ, при томъ, настолько быстрый, что во многихъ мѣстахъ, по всему его теченію были разставлены водяныя мукомольныя мельницы, отъ существованія которыхъ теперь нѣтъ и слѣда²⁾. Даже въ годъ изслѣдованія войсковаго старшины *Иванова*, т. е. въ 1865 г., благодаря дождливости предшествовавшихъ лѣтъ и снѣжности зимъ, существовалъ сплошной стокъ водъ въ видѣ рѣчки отъ самаго почти оз. Чалкара чрезъ дальній Тарангуль, Сарыгуль, Джиланды, Балыкты, Акъ-Суатъ, Бозараль, Узунъ-Камышъ и Ярмъ, въ 18-ти верстахъ отъ станицы Полуденской, лежащей на 50 верстѣ восточнѣе Петропавловска. Нивелировка *Захарова* показала, что озеро Чалкаръ лежитъ на 45 сажень выше водъ въ Иртышѣ при городѣ Омскѣ. Отсюда Камышовское ложе, сравнительно быстро опускаясь на сѣверъ по направленію къ Ишиму, не доходя до послѣдняго верстѣ 15 у озера Сарыгуль, лежащаго выше Ишима на 16 сажень, поворачиваетъ на сѣв.-вост. параллельно этой рѣкѣ вдоль водораздѣла не превн-

¹⁾ Тоже по происхожденію казакъ и бывшаго сотника сибирскаго войска до перевода въ корпусъ топографовъ.

²⁾ См. мою статью въ Зап. Зап.-Сиб. Отд. Импер. Рус. Геогр. Общ. за 1898 г. „Изслѣдованія и нивелировка Камышовскихъ озеръ въ 1865—1867 г.г. въ цѣляхъ образованія соединительнаго прѣсноводнаго канала между рѣками Ишимомъ и Иртышемъ“.

шающаго въ самой широкой части 35-ти верстъ и, постепенно отдаляясь къ востоку, у озера Ярма поворачиваетъ прямо на востокъ, слѣдуя далѣе на протяженіи 250 верстъ по мѣстности, имѣющей самый ничтожный уклонъ къ долинѣ Иртыша¹⁾. Ничего мудренаго, поэтому, нѣтъ, что самыя ничтожныя причины, вродѣ ряда засушливыхъ лѣтъ и убыли воды до перерыва теченія рѣки въ одномъ, двухъ мѣстахъ, могли имѣть послѣдствіемъ совершенное прекращеніе теченія рѣки въ этой части ея русла; а разъ рѣка дошла до такого положенія, дальнѣйшее дѣленіе ея на короткіе участки совершенно естественно; не менѣе естественно и то, что при незначительности прилива воды сверху и при плоскости окружающихъ старое ложе равнинъ, всякая прибывъ воды въ томъ или иномъ участкѣ, влечетъ за собою не прорывъ его по направленію къ крайне ничтожному засорившемуся склону бывшаго русла, а къ разливу по окрестности въ видѣ озера большей или меньшей величины. Все болѣе и болѣе разобшався и заставившаяся, озера эти горькнутъ и солонѣютъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, дѣлаясь источниками всякаго рода заразныхъ болѣзней на людей и животныхъ.

Такова современная судьба воднаго источника въ 500 верстъ длины еще, сравнительно, столь недавно бывшаго, какъ то мы видѣли изъ приведенныхъ выше казацкихъ показаній, желаннымъ

¹⁾ Кроме имѣвшей совершенно специальное значеніе нивелировки ложа Камышловскихъ озеръ, произведенной Затаровымъ въ 1866 и 1867 годахъ въ томъ-же районѣ производились точныя, непрерывныя нивелировки: линіи отъ Петропавловска до Омска въ 1875 году г. *Мошковымъ* и почтового тракта отъ Петропавловска до Кокчетавъ въ 1885 г. полковникомъ *С. Т. Мирошниченко*. Первая изъ этихъ нивелировокъ показала, что высота Петропавловска надъ уровнемъ моря 45 сажень; высшая точка водораздѣла между этою рѣкою и Камышловскою долиною у поселка Плоскаго въ 25-ти верстахъ отъ Петропавловска—62 сажени; высота Омска—39,8 сажени, т. е. паденіе мѣстности между Петропавловскомъ и Омскомъ на протяженіи 250 верстъ всего 5,2 сажени. Нивелировка полковника Мирошниченко показала, что высшая точка водораздѣла по направленію къ Кокчетаву лежитъ у пикета Каратальскаго всего въ 19-ти верстахъ отъ Петропавловска (64 саж.). Самое высшее ложе Камышлова, лежитъ у пикета Камышловскаго въ 64-хъ верстахъ, на высотѣ 56,9 сажень. Кокчетавъ, въ 174-хъ верстахъ отъ Петропавловска, на высотѣ 99,7 сажени.

поильцемъ и кормильцемъ для стремившихся на сѣверъ отъ преслѣдованій съ юга, калмыковъ. Нужно думать, что и въ будущемъ Камышловъ не возобновится.

Одинаковую судьбу съ Камышловомъ, несомнѣнно испытало и множество другихъ рѣкъ и рѣчекъ, протекавшихъ въ обозрѣваемомъ нами Ишимско-Иртышскомъ степномъ районѣ. Достаточно внимательно взглянуть въ подробную десятиверстную карту этого района, чтобы найти массу рѣчныхъ и озерныхъ водоемовъ, которые представляютъ исторію Камышлова во всѣхъ стадіяхъ ея развитія. Не можетъ, намъ кажется, подлежать сомнѣнію, что еще въ сравнительно недавнее время, среднее теченіе Иртыша между Омскомъ и Семипалатинскомъ, теперь столь маловодное въ окрестностяхъ, имѣло множество болѣе или менѣе значительныхъ притоковъ съ лѣвой и правой стороны, непосредственно вливавшихся въ Иртышъ. Существующія и теперь степныя рѣки по лѣвую сторону Иртыша: Кыздыкъ—кара-су, Селенты, Уленты, Чедертты, Ащи-су, Тентекъ и по правую Баганъ, Карасукъ, Бурла и масса другихъ меньшихъ Барабинскихъ рѣчекъ, заканчивающихся однимъ или нѣсколькими мелководными степными озерами, иначе нельзя считать, какъ уцѣлѣвшими отъ разрыва верховьями этихъ-же рѣкъ, доходившихъ когда-то до самаго Иртыша. Низовья ихъ стекли или скатились въ Иртышъ, исчезнувъ совершенно, или-же оставивъ въ районѣ пересохшихъ своихъ руслъ, рядъ большей или меньшей величины озеръ. Прямая почти совершенно связь съ Иртышемъ и не имѣя болѣе силъ для заполнения всего бывшаго своего русла, рѣки эти въ настоящее время сливаютъ избытки своихъ водъ въ разлившіяся по степи въ видѣ озеръ свои устья... Таковы у Кыздыкъ-кара-су и Селенты большое плоскостное озеро Денгизъ, у Уленты рядъ Акъ-кульскихъ озеръ, у Чедертты бифуркація главнаго русла, заключающаяся озерами Куйрукъ-саръ, у Ащи-су и Тентекъ рядъ разнаго наименованія озеръ, доходящихъ почти до самаго Иртыша; съ другой стороны у р. Бурла рядъ Топольныхъ озеръ, у Карасукъ долгій солонецъ Учъ-тузъ и проч. Даже самое озеро-море Чаны, есть

до известной степени общій стокъ ряда параллельныхъ барабинскихъ рѣкъ Баргаты, Чулымъ, Сумы, Карапусъ и др. Рѣки эти, совмѣстно съ множествомъ другихъ болѣе мелкихъ соединившіяся въ озеро-море Чаны, также имѣли стокъ непосредственно въ Иртышъ въ видѣ нѣсколькихъ параллельныхъ рѣчекъ, которыя, какъ мы видѣли въ первой главѣ, существовали еще не только въ эпоху перваго появленія русскихъ на среднемъ Иртышѣ, но и значительно позже. Теперь между Чанами и Иртышемъ существуетъ лишь болѣе или менѣе связанный между собою рядъ степныхъ плоскодонныхъ озеръ, явственно изливающихся въ Иртышъ подземнымъ стокомъ близъ ст. Желѣзнодорожной¹⁾.

По Ремезовскому чертежу Сибирской земли, составленному по показаніямъ тогдашнихъ служилыхъ людей, въ числѣ притоковъ Иртыша выше Оми еще значатся, прервавшія теперь непосредственную связь съ этою рѣкою Селенты, Енкуль (Уленты?) и справа двѣ помянутыя выше (безъ названія) рѣчки нѣсколько южнѣе рѣки Оми, вѣроятно Ачаиръ и Атмасть²⁾.

Сравнительное обиліе степныхъ водъ въ описываемую нами первую четверть XVII столѣтія, конечно, не могло не имѣть вліянія и на количество здѣсь атмосферныхъ осадковъ въ тѣ времена, на влажность воздуха, на количество выпадавшихъ дождей и снѣга, на влажность почвы, растительность и т. д. Несомнѣнно, растительность по характеру своему была ближе къ сѣверно-сибирской; сосновыхъ и всякихъ другихъ лѣсовъ было больше; снѣгу тоже больше. Служилые люди и звѣровщики, гоняясь за ~~неприятелемъ~~ и пушнымъ звѣремъ, проходили средне-иртышскія и

¹⁾ Миддендорфъ. Бараба. Приложение къ XIX тому Записокъ Императ. Акад. Наукъ. № 2. С.-Пет. 1871 г.

²⁾ Припомнимъ, что по книгѣ Вольнаго Чертежа, въ то же время въ другомъ концѣ степи рѣки Сары-су и Чу вливались непосредственно въ Сырь-Дарью. Несомнѣнно тоже самое, въ сравнительно недавнее время было и съ недоходящими теперь до главной рѣки притоками нижняго Урала—Уиломъ, Карауякъ, Кадагайтм, Вудурты, Уленты, Чедертты съ другой. Сходство полное даже въ названіяхъ. Не говоримъ о массѣ другихъ большихъ, среднихъ и малыхъ степныхъ рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ съ ихъ озерами при устьяхъ.

ишимскія степи зимою на лыжахъ, о которыхъ теперь обитатели этихъ странъ не имѣютъ и понятія. По описанію атамана Грозы Иванова, средній Иртышъ былъ переполненъ займищами топольнаго и вѣтловаго лѣса; травянистые луга, тянущіеся теперь по ту и другую сторону средняго Иртыша на пять, десять и болѣе верстъ, были подавлены зарослями лѣса, оставлявшими травъ лишь „не на великъ скотъ“. По рѣчкамъ водились бобры, о которыхъ теперь нѣтъ и помина. Сухія средне-азіатскія степи видимо надвигаются съ юга и шагъ за шагомъ отнимаютъ у Сибири ея сѣверныя богатства.

Верховья Ишима, Тобола и средній Иртышъ съ притоками населялись калмыками, вытѣсненными сюда съ юга междуособными неурядицами. О киргизахъ усѣивающихъ теперь берега и окрестности названныхъ рѣкъ, не было еще и помина. Единственное указаніе и ссылку на киргизъ, въ дошедшихъ до насъ документахъ того времени, мы встрѣчаемъ въ показаніи того-же, извѣстнаго намъ, боярскаго сына Черкасова съ казаками Васильевымъ и Табанакъ, бывшими въ 1623 году въ верховьяхъ р. Абугана „у чернаго лѣсу“, гдѣ кочевали мелкіе калмыцкіе тайши Бабуга, Кезенекъ, Кагуль и другіе. По словамъ этихъ тайшей, большой ихъ тайша Талай кочевалъ въ то время „на Пѣньныхъ горахъ *въ казачьей землѣ*“—т. е. нужно полагать близъ нынѣшнихъ Улутавскихъ горъ, гдѣ какъ мы знаемъ начиналась сѣверная грань того пространства Джетышара, которое считалось въ то время обычнымъ обиталищемъ казачьей орды. Слѣдуетъ, впрочемъ, говорить, что именно только—считалось,—а не было въ дѣйствительности таковымъ, ибо и въ первую четверть разсматриваемаго въ этой главѣ столѣтія, киргизы или „казаки“, какъ и въ концѣ предшествовавшаго столѣтія, находились, можно сказать, всецѣло въ предѣлахъ Туркестана. Одинъ изъ казакскихъ хановъ Ишимъ, братъ помянутаго въ первой главѣ Тевекеля, сынъ Шигага, сидѣлъ въ городѣ Туркестанѣ; другой его братъ Турсунъ правилъ въ Ташкентѣ. По прежнему интересуясь исключительно средне-азіатскими дѣлами, „казаки“ принимали въ нихъ самое

двѣтательное участіе. Ишимъ вмѣшавшись въ междоусобія Бухарскихъ хановъ, свершилъ два удачныхъ похода подъ Самаркандъ, одинъ въ 1611-мъ году, другой въ 1613-мъ. Вскорѣ впрочемъ вражда возгорѣлась и между самими казакскими ханами, при чемъ, по свидѣтельству среднеазіятскаго историка того времени Абулгази, Ишимъ умертвилъ Турсуна, истребивши множество его приверженцевъ.

